

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 МАЙ 1977

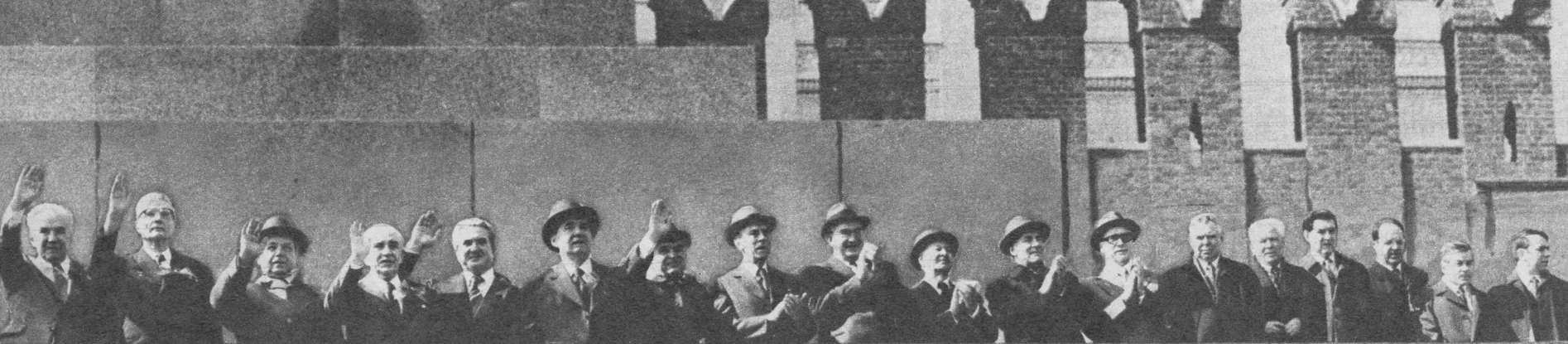

Л Е

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

НИН

1 МАЯ 1977 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 19 (2600)

7 МАЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

1 МАЯ 1977 ГОДА

Фоторепортаж
с Красной площади вели:
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. ГОСТЕВ,
А. НАГРАЛЬЯН

ЛЕНИНГРАД.
КИЕВ.

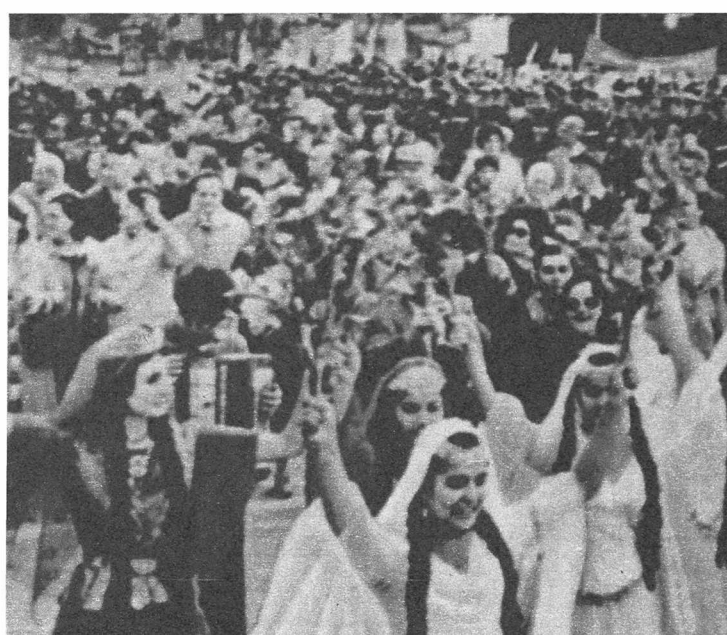
АЛМА-АТА.

ТАШКЕНТ.

БАКУ.

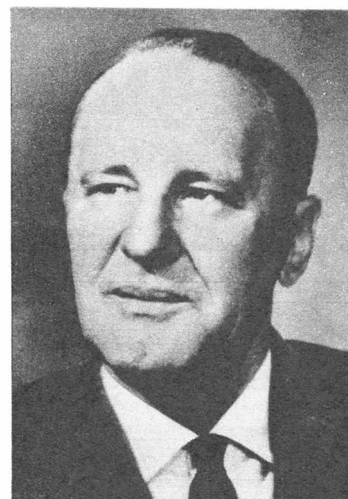

ВЛАДИВОСТОК.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Янош Кадар

А. Агостиньо Нето

Самора М. Машел

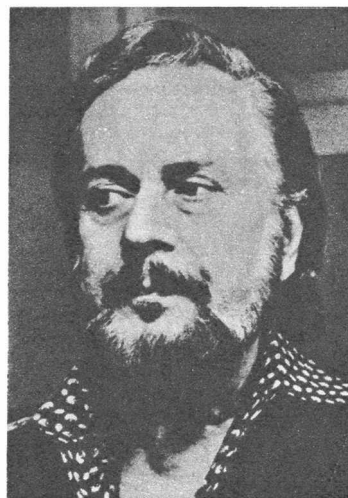
Ортенсия Бусси
де Альенде

Шон Макбрайд

Пьер Пуйяд

Яннис Рицос

25—26 апреля с. г. под председательством академика Академии медицинских наук СССР Н. Н. Блохина состоялось заседание Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами».

Комитет принял постановление присудить за выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира международные Ленинские премии «За укрепление мира между народами»:

Яношу КАДАРУ — Первому секретарю ЦК Венгерской социалистической рабочей партии;

А. Агостиньо НЕТО — председателю Народного движения за освобождение Анго-

лы, президенту Народной Республики Ангола;

Саморе М. МАШЕЛУ — председателю партии Фронт освобождения Мозамбика, президенту Народной Республики Мозамбик;

Ортенсии БУССИ де АЛЬЕНДЕ — общественной деятельнице Чили, почетному вице-президенту Международной демократической федерации женщин;

Шону МАКБРАЙДУ — общественному и политическому деятелю (Ирландия);

Пьеру ПУЙЯДУ — общественному деятелю (Франция);

Яннису РИЦОСУ — поэту, общественному деятелю (Греция).

Председатель комитета Н. Н. БЛОХИН (СССР); члены комитета: Г. В. АЛЕКСАНДРОВ (СССР), ЛУИ АРАГОН (Франция), МИРЬЯМ ВИРЕ-ТУОМИНЕН (Финляндия), РЕНАТО ГУТ-ТУЗО (Италия), АННА ЗЕГЕРС (ГДР), К. Д. МАЛАВИЯ (Индия), Н. В. ТОМСКИЙ (СССР), КАОРИ ЯСУИ (Япония).

ЗНАКОМЫЙ ДОМ

Новостройки столицы ГДР.

Фото Т. Лебера

Вот он, наш старый знакомый — дом на Вебервизе, первый дом в Берлине, построенный рабочими для рабочих. Он рос на наших глазах. Мы, трое репортеров журнала «Нойе берлинер иллюстрирте», в мае 1952 года встречали его первых жильцов. А вокруг чернели груды развалин, и на их расчистку снова вышли в то утро 45 тысяч берлинцев...

У входа в лифт, как и четверть века назад, слышим голос вахтера: «Пожалуйста, закрывайте дверь осторожно!» В соседних квартирах живут рабочие — наверно, кто-то из них отдыхает сейчас после ночной смены. Жаль, нас уже не услышит каменщик Пауль Кумпель. Когда в 1951-м мы брали у него интервью, Пауль облицовывал цоколь и рассказывал, как строил рейхсканцелярию. Мрамор из ее развалин снова попал к нему в руки. «Мрамор — для здания, где будут жить рабочие? — засомневался тогда Пауль. — Нет, сюда въедут совсем другие, можете мне поверить!»

Пауль Кумпель давно уже был передовиком стройки, когда Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер, в то время председатель ССНМ, уложил последние два кирпича и вывесил план распределения квартир: тридцать трехкомнатных квартир — рабочим, по одной — архитектору, учителю и представителю народной полиции.

Поднимаемся вверх. Тут, как и раньше, смотровая площадка. Сколько хлопот доставляла она папам и мамам! Не успеешь оглянуться — проказники уже сидят там, беззаботно свесив ноги с 35-метровой высоты. Наказания не действовали: первая в городе такая высокая крыша притягивала ребят как магнит.

Вид, открывавшийся отсюда, захватил и нас. Двадцать пять лет назад здесь, во Фридрихсхайне, началась расчистка развалин. Но гораздо больше нас занимала в те дни другая картина. Именно здесь, в бывшем пролетарском квартале Берлина, где раньше в тесных каморках ютились семьи рабочих, социалистическая ГДР сделала свой первый шаг в решении проблемы жилья. А нам уже тогда рисовались сегодняшние проспекты, дружное зарево огней по вечерам над многоэтажьем новостроек. За годы народной властивести тысячи новых квартир получили берлинцы. В прошлом году, например, строители с комбината «Вонунгсбау Берлин», применяя метод своего московского коллеги Николая Злобина, добились такого темпа: за 84 дня — 117 квартир! А первые новоселья были здесь, на Вебервизе.

У каждого берлинца была специальная карточка, в которой отмечались часы, отработанные после смены на расчистке города. Пер-

вый документ социалистического коллективного труда! Он действителен и сегодня — все новые и новые трудовые почiny граждан ГДР продолжают летопись нашего общего созидания.

На церемонию закладки первого камня тогда мы опоздали. Памятную капсулу уже залили бетоном. В ней был номер газеты «Роте Фане» с репортажем о мощной демонстрации рабочих против надвигавшейся тучи фашизма. Демонстрация состоялась здесь, на Вебервизе, 5 марта 1925 года.

От закладки первого камня до вручения ключей был на этой стройке Альфред Фёрстер, тогда молодой прораб, сегодня руководитель отдела. Он рассказывает о Вебервизе, как будто это происходило вчера. Зимой стройка чуть не остановилась: раствор замерзал. Откуда-то пригнали старый паровой двигатель, и работа продолжалась. Фёрстер вспоминает, с каким недоверием многие встретили сначала новый метод варшавских каменщиков: один кладет раствор, другой — кирпичи, третий подравнивает стенку. Но когда мастер Тилле со своими помощниками уложил за смену 12 тысяч кирпичей и здесь же, на площадке, получил орден, скепсиса как не было.

Девять этажей, двести двадцать ступенек...

9 МАЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК
ЧССР, ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХО-
СЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

КОНКУРС
ПО СЛЕДАМ
СОВЕТСКОГО
ДИПЛОМА

ПРИВЕТ ИЗ БРАТИСЛАВЫ

Я прочтала в словацком журнале «Живот» объявление о конкурсе «Огонька» «По следам советского диплома» и сразу же решила написать. Ведь впечатления после пяти лет обучения в вашей стране еще совсем свежие: в апреле исполнился год с тех пор, как я уехала из Москвы.

Я закончила Московский архитектурный институт и получила специальность архитектора, работаю в Государственном институте районной планировки и урбанизма в Братиславе. Трудно и грустно было сначала: хотя дома много друзей, но институтские товарищи остались далеко, в Советском Союзе. Потом начали приходить письма из СССР, стало веселее. Но все-таки я всей душой мечтаю быть в Москве моей хорошей, ведь с ней связана моя молодость, там сформировалась моя личность, характер. Зовут меня Любича Бардиовска, 12 марта мне исполнилось 25 лет.

Когда получала диплом, ректор института пригласил нас, иностранных студентов, в свою

приемную. Там мы встретились и с деканами всех факультетов. Было приятно поговорить, пошутить, как с друзьями, с нашими преподавателями. Что значит для меня советский диплом? Память о Москве, о Советском Союзе, о годах, прожитых там, и о хороших людях, с которыми мы встречались, учились, работали.

Признаюсь, на первом, втором курсах случались и тройки. Но на последних трех к экзаменам готовились уже серьезно и с удовольствием. Основным предметом у нас было архитектурное проектирование, которое вел прекрасный педагог Илья Георгиевич Лежава.

Я участвовала в конкурсе на лучший проект памятника советским героям, павшим во второй мировой войне. Победил один из моих советских однокурсников, тоже воспитанник Илья Георгиевича.

Переписываюсь с друзьями по институту, их шестеро. В этом году ко мне приедет московская подруга. Часто встречаюсь с бывшей сокурсницей, которая сейчас работает в Банска-

Девять месяцев продолжалось это восхождение к первой реальной вершине социализма, какую стал дом на Вебервизе. В последний день строителям вручили красное знамя. «За эти месяцы преобразились и люди, — сказал Альфред Фёрстер. — Они росли вместе с этажами нашего дома».

У нас сохранились старые фотографии. Вот переезд рабочей семьи из подвала в новую квартиру. Годовалый малыш согласился «позировать» только в ванне. Найдём ли мы его?

Поиски привели в семью Нойндорфов, одну из тех, которые первыми получили ключи. Здесь мы узнали о многих своих старых знакомых. Бывший рабочий Рисс теперь директор комбината «Нарва», учитель Безелин — директор школы, сам Нойндорф, тогда простой техник, стал дипломированным инженером.

— А маленький Бернд Кампа, который тогда не хотел вылезать из ванны, — говорит фрау Нойндорф, — недавно женился. Он стал плотником и очень гордится, что теперь сам строит дома.

Еще одиннадцать семей из числа первых новоселов нашли мы в старом доме. Праздники они отмечают вместе. Только серебряных свадеб и дней рождения внуков не сосчитать. Три поколения живут под одной крышей.

Осталась прежней квартиплата, но повысились зарботки и пенсии, стало больше свободного времени, увеличилась помощь со стороны государства — в первую очередь семьям, в которых есть дети. Много появилось новых соседей, но по-прежнему более половины жильцов — рабочие.

В пятьдесят втором сюда приезжали со всего Берлина — посмотреть, как живет этим счастливым в новом доме. Им пришлось даже организовать специальную службу для приема гостей. Но когда 76-летний Альберт Кваст постучался недавно к соседям и сообщил, что зашел проститься, те изумились:

— Альберт, герой стройки и первый новосел, душа всех наших праздников, ты уезжаешь?

— Дети выросли, разъехались. Зачем мне одному такая квартира? — ответил он. — Пусть здесь поселятся молодые. А я не останусь без крыши над головой. Дом, как наш, теперь уже не редкость!

Здание на Вебервизе сейчас охраняется государством — как памятник тех первых лет. Как памятник нашей новой истории.

К. ОТТЕН (журнал «НБИ»)

Бистрице. Знаю многих своих чехословацких сверстников, учившихся, как и я, в Москве. Одни закончили институт международных отношений, другие — медицинский, третьи — автодорожный или строительный.

Русскому языку меня учила очень хорошая преподавательница Вера Яковлевна Баврина. Мы ее называли «советская мама». На первом же уроке, когда наша группа — два болгарина, немец и нас двое из ЧССР — собралась вместе, Вера Яковлевна попросила рассказать, как мы устроились, как привыкаем. Все три года, пока мы изучали русский язык, она никогда не забывала спросить, что мы видели в театре, что читали.

Мой интерес к советской литературе, искусству, к русскому языку огромен. У меня много книг советских авторов. И дома, в Братиславе, я часто бываю в магазине «Советская книга». Регулярно покупаю наш журнал о Советском Союзе «Свет социализму», читаю «Советский экран» и «Крокодил».

Много друзей я приобрела в Советском Союзе, но очень полюбила и саму Москву — улицу, по которой мы ходили из общежития в институт, парк, где гуляли в свободное время, площадь Гагарина. Везде хотелось бы снова побывать! Помню необычное и довольно смешное для нас зрелище: на улице мороз градусов двадцать, а закутанная до бровей продавщица весело кричит: «Кто желает мороженого?»

Посылаю вам фотографии. Вот снимок — прогулка по весенней Москве (я — слева).

Большой и сердечный привет из Братиславы!

Любича БАРДИОВСКА

СТО ЛЕТ НАЗАД

В. ВИНОГРАДОВ,
доктор исторических наук,
заместитель директора
Института славяноведения
и Балканистики АН СССР

Есть даты, которые не тускнеют от времени, не стираются в памяти народной. Для румын такая дата — 9 мая 1877 года, день провозглашения независимости страны. В этот день министр иностранных дел Михаил Когэлничану произнес в парламенте слова, вошедшие впоследствии в учебники и хрестоматии: «Мы находимся в состоянии войны с Турцией. Наши связи с Высокой Портой порваны... Я без малейшего сомнения и страха заявляю представителям нации, что мы являемся свободным и независимым народом».

В течение веков предки румын вынуждены были нести бремя зависимости от феодальной Османской империи. В длительной борьбе за завоевывались права Дунайских княжеств, объединившихся в 1859 году в одно государство — Румынию. И помощь приходила с севера. В ходе русско-турецких войн расшатывались устои султанского владычества на Балканах, шире открывались возможности для национально-освободительного движения. Исторической закономерностью была поддержка местным населением русских войск, его участие в военных действиях.

Вступление Румынии в войну 1877—1878 годов на стороне России было обусловлено глубокими национальными, социальными и политическими причинами. Несмотря на несомненные успехи в XIX веке в завоевании автономных прав, Румыния оставалась в вассальной зависимости от Османской империи.

Летом 1875 года балканские народы с оружием в руках поднялись на свое освобождение. Вспыхнуло восстание в славянских областях Босния и Герцеговина, входивших в состав Турецкой империи. В следующем году произошло Апрельское восстание в Болгарии, подавленное со страшной жестокостью. Сербия и Черногория вступили с Турцией в войну, однако тоже потерпели неудачу. Силы были слишком неравны; без мощной поддержки балканские народы не могли завоевать освобождения. Царское правительство России пыталось сперва мирным путем добиться автономии южных славян, но без успеха. По стране широко разлилось движение солидарности. Началась подготовка к русско-турецкой войне.

Сложилась ситуация, благоприятствовавшая завоеванию государственной независимости Румынии — но именно завоеванию. Помешки, основные слои буржуазии хотели использовать начавшееся на Балканах движение в своих интересах. Они надеялись, что ослабевшая Турция пойдет на уступки и можно будет, не вступая в военный конфликт, добиться фактической независимости. Румынские правительства бомбардировали европейские столицы нотами и меморандумами, взывая о поддержке. Эффект их был равен нулю. Демократическая общественность самой Румынии не могла равнодушно смотреть, как у порога страны лилась кровь борцов за национальное освобождение, и требовала решительных мер.

К весне 1877 года стало очевидным, что независимость не выговаривают в кабинетах, а завоевывают. 4 апреля в Бухаресте были подписаны политическая и военная конвенции между Румынией и Россией. Это был первый международный акт политического характера, заключенный Румынией с великой державой на основе полного равноправия. Он предопределял признание Россией государственного суверенитета и независимости молодой страны. Как писал в начале нашего века румынский исследователь К. Калмуски, «без русских мы не могли бы добиться тогда независимости, и нам

пришлось бы еще долго ждать, оставаясь вассалами турок...».

Русские войска, вступившие на землю Румынии, были приняты как союзники в великом деле. В походный дневник 45-го Азовского полка занесена следующая запись: «Жители Ясса со всем радушием оказали нам гостеприимство». Командир 29-го Донского казачьего полка докладывал: «Массы жителей Галаца восторженно, с криками «ура», встречали и провожали нас далеко за город».

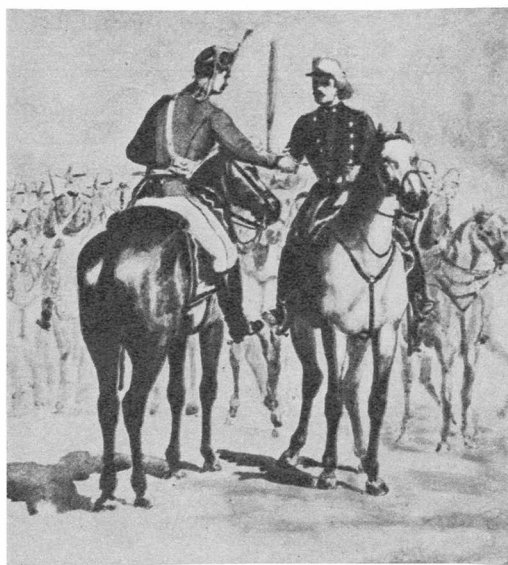
В середине июля первые румынские подразделения переправились через Дунай. Спустя месяц основные силы румынской армии были сосредоточены под стенами Плевны, составив приблизительно треть осадного корпуса. На 30 августа был назначен третий по счету штурм. Схватка произошла жестокая. Турки сопротивлялись отчаянно. На левом фланге отряд генерала М. Д. Скобелева прорвался к самым окраинам города; румынам при поддержке русских частей удалось захватить первый Гривицкий редут. Однако затем пришлось перейти к длительной осаде. Молодая, не имевшая серьезного боевого опыта румынская армия показала себя с наилучшей стороны.

В начале декабря, после ожесточенного боя, турецкая армия под Плевной сдала оружие. Русские войска стремительным броском двинулись в Южную Болгарию и далее — к Константинополю. Румынские части на завершающем этапе войны одержали победу над сильным турецким отрядом под Смырданом, блокировали крепости Видин и Белградчик.

Двести тысяч русских солдат полегли на Балканах и в Закавказье. Десятью тысячами жертв заплатила румынская армия за независимость страны. Меньше года продолжалась ее кампания вместе с русскими и болгарскими ополченцами, но память о ней не изгладится.

Завоевав плечом к плечу с русской армией государственную независимость, румынский народ не обрел социальной свободы. Еще долгие десятилетия жил он под игом буржуазно-помещичьей олигархии. Лишь в ходе второй мировой войны создались условия для социального освобождения. В обстановке победоносного наступления Советской Армии, разгромившей в ходе Ясско-Кишиневской операции крупную вражескую группировку, Румынская коммунистическая партия подняла народ 23 августа 1944 года на антифашистское вооруженное восстание, уничтожившее клику Антонеску и открывшее перед Румынией путь в социалистическое будущее.

Рукопожатие двух кавалеристов, русского и румынского. Рисунок 1877 года.

Памятник советским воинам в Западном Берлине.

У памятника Александр Попов.

НАКАЗ ОТЦА

А. ГОЛИКОВ

Фото автора

На широком плацу гулко печатают шаг солдаты. Сегодня у них по распорядку дня: строевая подготовка, стрельбище, занятия в классах. В общем, боевая и политическая учеба идет, как во всех армейских гарнизонах. И все же служба в Группе советских войск в Германии имеет свои особенности.

— Мои солдаты, например, — с улыбкой говорит командир подразделения, — стоят на постах

непосредственно в капиталистическом окружении. Вы сможете сами это увидеть.

...За полосатым слагбаумом дежурит британский сержант. Увидев на нашей машине знак «Советская Армия», он берет под козырек, и мы проезжаем в английский сектор Западного Берлина. Здесь, в районе Тиргартена, недалеко от здания рейхстага, в 1945 году воздвигнут памятник воинам, павшим при штурме столицы третьего рейха. С тех пор днем и ночью на посту у памятника стоят советские солдаты.

Территория памятника обнесена оградой, а от тротуара ее отделяют только невысокие перила. Помощник начальника караула сер-

жант Евгений Кувшинов показывает свое «хозяйство». Все точно по уставу. Эта служба для солдат караула — священный и почетный долг. Ведь здесь «лежат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой», лежат парни, родившиеся на бескрайних просторах великой Советской страны.

Их вечный сон не тревожит шум большого города. Пешеходам разрешается ходить только по другой стороне улицы. Автомашинам и автобусам с туристами остановка запрещена... Возле памятника всегда торжественная тишина. Чувствуя безопасность у гранитных ступеней, на молодой зеленой травке спокойно пасется пара диких кроликов.

— А в кустах у нас живет лиса, — рассказывает сержант. — Она за кроликами не охотится: состоит на котловом довольствии караула. Три раза в день выносим ей в бачке еду — завтрак, обед и ужин.

Но тишина и мир в природе, которые тут царят, не облегчают солдатской службы. Советский караул в Тиргартене — один среди чуждого и подчас враждебного мира. А потому от воинов требуется предельная собранность, готовность к действию. Ведь известно, что несколько лет назад на посту у памятника был тяжело ранен рядовой Иван Щербак. Стрелял в него неонацист.

Каждый раз, когда у мемориала меняется советский караул, собираются зрители. Вот и сейчас их уже много с фотоаппаратами, кинокамерами. Точно в назначенное время звучат слова команды, и рядовые Александр Попов и Василий Резанкин, чеканя шаг, сменяют на посту рядовых Василия Зимовченко и Александра Евсеева. Зрители аплодируют, машут шляпами.

С особым чувством ответственности стоит на посту солдат Александр Попов. Его отец таким же, как он, молодым парнем сражался в Берлине, был сержантом, командиром «катюши». Он рассказывал сыну, как ожесточенно сопротивлялись гитлеровцы в этом кровопролитном сражении. Многоэтажные здания, бомбоубежища, казематы были превращены в опорные пункты, которые сообщались между собой подземными ходами. «Катюша» сержанта Попова входила в штурмовой отряд — на такие отряды легла основная тяжесть уличных боев.

И вот теперь рядовой Советской Армии Александр Попов стоит на посту у памятника, под которым покоятся боевые товарищи его отца.

Одного дня они не дожили до победы, а лейтенант Иванов был убит в последние минуты войны. Он бросился в горящее здание, чтобы спасти ребенка, а затаявшийся там гитлеровец застрелил его.

Провожая сына в армию, ветеран наказывал помнить об этом. Помнить, какой дорогой ценой досталась победа над фашизмом, которому ни в коем случае нельзя позволить вновь поднять голову.

ПАРЛАМЕНТЕРЫ

Н. И. ШАТИЛОВ,
участник
штурма рейхстага

30 апреля в полдень роты Ильи Сьянова, Петра Греченкова и группа разведзвезда лейтенанта Сорокина первыми ворвались в рейхстаг. Сразу они начали теснить эсэсовцев, загнали их на верхние этажи и в подвалы. Сегодня, утром 1 мая, противник выбросил белый флаг.

— Комендант рейхстага хочет

встретиться с русским генералом или полковником! — кричал с лестницы, ведущей в подвал, эсэсовский офицер.

В рейхстаге советского офицера старше майора Соколовского не было, но командование ему не разрешило оставлять свое подразделение.

— Снарядим лейтенанта Береста, — решил Соколовский.

Лейтенант высокий, красивый. К тому же из самых храбрых и находчивых.

Одели лейтенанта в кожаную тужурку, на плечи — плащ-накидку, политотделец капитан Мат-

веев отдал ему свою новую фуражку с ярким красным околышем. Получился полковник хоть куда. Адьютантом вызвался с ним идти комбат капитан Неустроев, у которого Берест был замполитом, а переводчиком назначили солдата Прыгунова, два года пробывшего в фашистских концентрационных лагерях.

Майор Соколовский благословил парламентариев на успешный визит. Лейтенант Герасимов, командир пулеметной роты, установил перед лестницей подвала единственный оставшийся пулемет и на всякий случай во все горло,

чтобы слышали эсэсовцы, скомендовал: «Пулеметная рота, готовься к бою!» Бойцы приготовили гранаты.

Долго спускались парламентарии по трем длинным лестничным маршам. Внизу их остановил немецкий часовой. Потом эсэсовский офицер открыл тяжелые дубовые двери и пригласил парламентариев следовать за ним.

В сравнительно невысоком и душном коридоре по правую и левую стороны стояли двухъярусные металлические койки, между ними толпились вооруженные автоматами эсэсовцы. Неустроев держался позади своего замполита, бросая иногда взгляд на его широкие, богатырские плечи, массивную и в то же время легкую фигуру. Берест шагал спокойно, уверенно. Хорошо держался и переводчик.

Прошли один коридор и по металлической лестнице спустились во второй, тоже переполненный

Н. Баскаков. Род. 1918. ПОБЕДА. 1974.

В. Загонек. Род. 1919. ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА. 1964.

эсэсовцами. Наконец, парламентаров подвели к обитой железом двери. Часовой в морской форме распахнул ее. В кабинете за большим столом сидел фашистский полковник — пожилой, сухощавый, в надвинутой на лоб фуражке. Полковник встал, небрежно закинул руки за спину, видимо, стараясь показать, что хозяин здесь он.

Парламентар принял стойку смиренно, четко и лаконично представился:

— Командир семьсот пятидесяти шестого стрелкового полка полковник Берест.

Эсэсовец щелкнул каблуками и тоже представился:

— Помощник коменданта полковник великой армии фюрера...

Берест не разобрал имени: его сбили слова «великой армии». Странновато они звучали в подвале рейхстага.

— Сдавайтесь! — крикнул эсэсовец. — Нас в рейхстаге тысячи, вас здесь полсотни. Не сдадитесь — уничтожим.

— Все равно вы обречены, — спокойно ответил русский «полковник». — Берлин уже занят Советской Армией, а если вы расправитесь с нами, парламентарями, то пощады не будет никому из вашего гарнизона.

Берест говорил спокойно, уверенно. Фашист выслушал и, ничего не ответив, вышел из кабинета вместе с офицером и переводчицей. Остались только часовые.

Медленно тянулось для парламентаров время. Часовые отсчитывали шаги — один от стены до стены по кабинету, другой возле двери в коридоре.

Наконец появился помощник коменданта. Он занял свое прежнее место за столом и с торжеством в голосе заявил:

— Рейхстаг отрезан! Сдавайтесь, все равно вам уже не вырваться из ловушки.

Это была правда. За последний час фашисты сумели усилить свой левый фланг, подтянуть танки, самоходки, живую силу и перекхватили путь от дома Гимmlера к рейхстагу. Это им удалось сделать всего на каких-нибудь часа полтора-два.

Однако советский «полковник» не смутился.

— Даю четверть часа, — решительно произнес он. — Не сложите оружие, пеняйте на себя. — И направился к двери. Часовые пропустили парламентаров. Они возвращались так же, как шли сюда. Впереди Берест, за ним Неустров и переводчик Пригунов. Вслед русским смотрели ненавидящие глаза. Отборной банде Гитлера терять было нечего. Но парламентары ступали твердо, чеканили шаг, как на параде.

Миновали один, затем другой коридор. Вот и лестница вверх. Когда поднялись на ее второй марш, вслед загремели выстрелы. Стрелял эсэсовец, сопровождавший парламентаров. К счастью, промахнулся. Берест на лету поймал два брошенных ему сверху бойцами пистолета, тут же ответил огнем.

Снова завязались ожесточенные бои. Стреляли из люков, подвалов, с верхних этажей, наполняя громом огромное здание.

Бои велись весь день и почти всю ночь. А на рассвете 2 мая колонна грязных, притихших эсэсовцев потянулась из рейхстага к Бранденбургским воротам, сдаваться в плен.

О ПОДВИГАХ И СЛАВЕ

Эта книга посвящена писателям-москвичам, павшим в сражениях. Она яркий документ подвига и славы. В книге рассказано о восьмидесяти одном писателе, не вернувшемся с поля войны.

Среди них были люди разных возрастов — почти мальчишки, такие, как Всеволод Багрицкий, поэт и сын поэта, как Анатолий Луначарский, сын прославленного ленинского наркома, и такие, как Ефим Зозуля, ему в 1941 году было пятьдесят два года. Некоторые из них попадали в редакции дивизионных, армейских и фронтовых газет, некоторые сражались с боевым оружием в руках, неся все тяготы нелегкой солдатской службы. А ведь многие из писателей, прибывших на фронт, не имели никакой боевой подготовки, не годились по военкоматским положениям к военной службе. Но стремление бить врага превозмогло все!

Писатели шли в одном строю и с героями своих книг и со своими читателями, как выразился поэт С. Гудзенко: «Читатель твой и автор ходили вместе в бой».

Да и работа в армейских газетах тоже не была «тыловой службой». Их сотрудники неделями бывали на передовой, и нередко случалось так, что почти «штатский сотрудник» газеты поднимал в атаку роту или батальон.

Восемьдесят один человек! Почти всех их я знал, со многими дружил. И когда я читал эту книгу, передо мной вставали живыми эти люди, такими, какими они были тогда. И вот нет их, а ведь они могли бы еще жить, радоваться жизни и радовать людей своим творчеством.

Смотрю на фотографию Сергея Диковского и вижу его смешливые, добрые, внимательные глаза, прикрытые очками, вспоминаю совместные командировки — с ним было всегда легко и весело; его быстрая походка, — он всегда торопился, не мог не торопиться; его лицо монгольского типа, смуглое, чуть скулатое, его френч, карманы которого были битком набиты бумажками и блокнотами. Очерки, рассказы, первые повести Сергея Диковского свидетельствовали о неуклонном росте таланта, у него была своя манера писать задушевно и тепло. Он совмещал в себе основательность писателя и темперамент журналиста. Его заметили, полюбили, оценили. Он, несомненно, стал бы крупным литератором, при своем таланте и яростной работоспособности. Но он погиб, когда ему еще не было 33 лет, во время финской кампании.

За три года до войны появился и сразу был высоко оценен роман «Танкер «Дербент» Юрия Крымова. Автор, ранее неизвестный в литературе, был инженером-конструктором, блестяще окончившим физико-математический факультет. Юрий Либендинский, чьи воспоминания

опубликованы в этом сборнике, тепло и верно написал о Крымове: «У него была своя глубоко принципиальная позиция в литературе, он уже несколько раз выступал в писательской аудитории, и то влияние, которое он на литературную среду оказывал, было благотворно, так как он принес с собой большую жизненную свежесть. При этом он был редкостно ласковым человеком: благородный и добрый, веселый и умный».

На фронте Юрий Крымов был принят в партию. Осенью 1941 года он погиб в бою под селом Богодуховка, что на Полтавщине, с винтовкой в руках прикрывая отступление своей части. Было ему от роду 33 года.

Василий Кудашев! Имя это почти забыто, время стирает и не такие имена. А начинал этот крестьянский парень, чернорабочий, грузчик, рабфаковец, голосисто и звонко. Его рассказы, публиковавшиеся в молодежной печати, вызвали живой интерес своей свежестью и чистотой. Он дружил с Михаилом Шолоховым, и Шолохов любил его. Писатель В. Рыжовский вспоминает: «Приезжая в Москву, молодой Шолохов поселялся в тесной комнатке Кудашева, спал на раскинутом на полу нагольном полушубке. Здесь, в долгих ночных беседах, обсуждался замысел «Тихого Дона», сюда потом Шолохов привозил свои пухлые рукописи, здесь читались первые главы знаменитого романа. Дружба между этими писателями, столь разными по размерам дарования, не омрачалась и впоследствии. Ставши уже знаменитым, Михаил Александрович неизменно останавливался у старого друга, и разница в их положении... не сказывалась на личных отношениях».

В октябре 1941 года Михаил Шолохов пишет В. Кудашеву: «Дорогой друг! Судьба нас с тобой разоздрила, но все же когда-нибудь сведет нас вместе. Я сегодня уезжаю из Москвы, как только вернусь — сообщу тебе. Думаю, что увидимся в Москве, у меня есть к тебе дела... Пишу коротко, спешу. Надеюсь на скорую встречу».

Письмо это не дошло до адресата. Василий Кудашев погиб.

Михаил Розенфельд! Познакомился я с ним почти полвека тому назад на празднике линевидации трехполья в Волоколамском уезде. Он еще не имел тогда громкого журналистского имени, был тощ, ходил в скромной пиджачишке, глаза у него были озорные. Он быстро, жадно впитывал все происходившее вокруг и заносил своим малоразборчивым почерком в блокнот. Был он тогда репортером «Комсомольской правды». Мы подружились, неоднократно встречались в различных командировках, стараясь «обштопать» друг друга — это он любил и делал мастерски.

Где только не носила его судьба! Конфликт на КВЖД в 1929 году — он там; Каракумский автопробег — он здесь, под испепеляющим среднеазиатским солнцем; начались ис-

панские события — он вместе со своим другом Юрием Корольковым попадает в Испанию и добирается до Мадрида; развернулись бои на Халхин-Голе — он тут. Отечественная война — он с первых же дней на фронте. Из репортера Михаил Розенфельд превратился в опытного солдата, познавшего войну. Он стал подтянут, деловит, строг к себе, как литератор он вырастал на глазах у всех, у него выходили книги очерков, вышла повесть «Ущелье аламасов», которая потом легла в основу сценария популярного кинофильма. Он возмужал, юношеские черты исчезли в нем, оставались только прежними его глаза — светлые, дерзкие и смелые. В 1942 году под Харьковом он погиб в бою.

Владимир Ставский! Я его знал с тридцатых годов. Он был всегда несколько грузен, толстоват, и когда входил в комнату, становилось тесно. Однако когда я встретился с ним на Халхин-Голе, то убедился, что он самый подвижный и расторопный человек в армейской редакции. Целыми днями Ставский пропадал в передовых частях, возвращался в стремительном, истинно газетном темпе, отписываясь и снова уезжал. Его короткие и яркие очерки пользовались большим успехом у бойцов халхин-гольской группы войск, они пахли пороком, язык его был строг и лаконичен, он безжалостно отбрасывал всякое лишнее украшательство. Он был храбрый человек, имел за плечами опыт гражданской войны, поле боя влекло его. В 1939 году в Финляндии он, идя в цепь атакующих красноармейцев, был тяжело ранен. С начала Отечественной войны участвовал во многих боях под Москвой. В 1943 году был убит у города Невеля.

В книге о павших «Строка, оборванная пулей» рассказано о прозаиках и поэтах, критиках и литературоведах, названы и описаны дела и жизни советских литераторов, знаменитых и менее известных, обо всех, кто отдал жизнь за Родину. Все они равно заслужили славу, вечную народную память и признание потомков. Аркадий Гайдар и Евгений Петров, Беньямин Ивантер и Петр Лидов, Константин Кунин и Александр Роскин, Борис Лавин и Захар Хацревин, Александр Афиногенов и Василий Бобышев и еще многие и многие другие — длинна и печальна череда имен погибших.

В сборнике среди других стихотворений опубликовано четыре строчки Всеволода Багрицкого:

Нам не жить, как рабам,
Мы родились в России.
В этом наша судьба,
Непокорность и сила.

В простоте этих строк заложена притягательная искренность и глубокое патристическое чувство. Это относится и ко всей книге, являющейся достойным памятником павшим.

Ник. КРУЖКОВ

Строка, оборванная пулей. М. «Московский рабочий», 1976, 704 стр.

МАТЬ СОЛДАТА

Михаил АНДРИАСОВ,
Георгий ГУБАНОВ

Когда поезд, идущий к Черному морю, минует Ростов-на-Дону, он, оглябая Армавир, повернет к черноморским предгорьям, где степь теряет свои привычные очертания. Здесь лежит старинная кубанская станица Дундуковская. На заре коллективизации тут организовался колхоз «Красная звезда». Вступили в него и супруги Перебейновы. Михаил Трофимович работал бухгалтером, а Екатерина Семеновна — в полевод-

ческой бригаде. Нелегко было строить новую жизнь, сообща одолевали невзгоды. И наступила, наконец, светлая пора, когда люди радовались добрым дням. Как говорится, жить бы и жить! Но в июне сорок первого над страной нависла смертельная опасность.

Петру Перебейнову было 17 лет, когда он добровольцем, прямо со школьной парты, ушел на фронт. Несколько раз был ранен. Жизнерадостный, красивый парень, заслуживший за свое бесстрашие признание однополчан, стал любимцем бойцов артиллерийского противотанкового полка. Полк этот входил в состав знаменитой 18-й десантной армии. Бои привели солдата, радиста Петра Перебейнова на «Малую землю», о которой Леонид Ильич Брежнев говорил, выступая в Новороссийске: «Должен признаться вам, товарищи, что более тяжелых и кровопролитных боев, чем на «Малой земле», я, пожалуй, не видел за все четыре года пребывания на фронте». Вот в каких условиях воевал радист Петр Перебейнов. А родителям и сестренке он писал: «Обо мне меньше все-

го беспокойтесь. Все обстоит нормально».

На «Малой земле» солдат Перебейнов был тяжело ранен. Тепло юноши буквально изрешечено: медики насчитали тридцать шесть ран. Но кубанский казак выдюжил. Как? Вот ответ самого Петра на этот вопрос: «Дорогие мама, папа и сестренка Лорочка! Я сказал сам себе, что нужно жить, и, как видите, живу!»

И снова письма домой: «Немцы бегут, а раз бегут, значит, жить хорошо. Буду опять так же гнать фашистов, как гонят их сейчас наши доблестные моряки-герои. Это действительно герои!»

Дорога к Победе — тяжелая, тернистая дорога. Самыми трудными днями для Петра были дни, когда он оказывался не на передовой. «Не могу, скорее бы на фронт: там спокойнее. Меня властно тянет туда Победа» — это строки из его письма.

...Уж близок день Победы. Солдат пишет домой: «Родные, берегите себя, берегите свое здоровье. Мы еще поживем спокойно в нашей семье, в родном краю. Скоро разобьем проклято-

го Гитлера и увидимся... Час Победы близок, он уже настает — от чистого сердца пишу...»

Он не дождался этого желанного часа. Солдат, ставший сержантом, пал в боях за освобождение Югославии, в сражении за Белград...

Легко представить, какой близкой стала сердцу матери югославская земля — последний приют ее единственного сына. Екатерина Семеновна много слышала о том, как жители Белграда берегут могилы советских воинов, павших за свободу братского народа. Но она пожелала собственными руками положить цветы на могилу Петра. Екатерина Семеновна поехала в Белград и на мемориальном кладбище поклонилась праху сына. На могилах Петра и тех, кто покоится рядом с ним, горят свечи, всегда лежат свежие красные гвоздики...

Однажды Екатерина Семеновна увидела, как на могилу сына эти красные гвоздики положил человек, который пришел на кладбище с двумя дочками и сыном. Это был известный югославский певец Джордже Марьянович. За-

Сержант Петр Перебейнов.

Цветы от Л. И. Брежнева на могиле Петра Михайловича Перебейнова.

Екатерина Семеновна и Джордже Марьянович.

Фото Е. Недери.

вязалась трогательная дружба матери погибшего солдата и югославского певца.

Джордже Марьянович бывает на гастролях в столице тихого Дона. И, конечно же, будучи в Ростове, он всегда находит время, чтобы навестить дом, где живет мать солдата, отдавшего жизнь за освобождение Югославии от фашистов.

Уже давно югославский друг Екатерины Семеновны называет ее своей матерью, а для детей Марьяновича она стала бабушкой. Они так и пишут ей из Белграда: «Бабушка наша родная, мы с папой всегда носим цветы Пете от имени Вас и от нашей семьи...» Вслед за письмом «внуков» пришла фотография Джордже Марьяновича, кладущего цветы на могилу русского солдата. А на обороте фотоснимка трогательные слова: «Дорогая мама Екатерина Семеновна! Желаю Вам многих лет жизни. Не волнуйтесь, я никогда не забываю данного Вам слова. Считайте меня Вашим сыном. Любящий Вас сын Джордже».

Муж Екатерины Семеновны, Михаил Трофимович, умер много лет назад. Некогда маленькая Лариса теперь стала учительницей биологии и работает в ростовской школе № 40. У нее двое детей. Ее дочь Галя — студентка второго курса Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, а сын Владимир — курсант Харьковского высшего авиационного училища...

Ростовчане бережно хранят память о войне-герое, о славном своем земляке. Он — в почетном списке коллектива, где работают под девизом: «За себя и за того парня». Недавно они сообщили Екатерине Семеновне, что «заррабатанные» ее сыном деньги вносятся в фонд мира.

В ноябре прошлого года Екатерина Семеновна послала в Москву, в Кремль, на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, следующее письмо: «Дорогой Леонид Ильич! Сегодня, 2 ноября, я услышала по радио, что Вы поедете в Югославию. У меня сердце облилось кровью, как услышала о Югославии. Там, в городе Белграде, похоронен мой сыночек...

Дорогой Леонид Ильич! Мой Петенька пошел на фронт добровольцем, совсем юным. Он сражался на «Малой земле» и был там тяжело ранен. Я хорошо знаю, что Вы тоже сражались на «Малой земле» и тоже были ранены. Значит, Вы, дорогой Леонид Ильич, однополчанам моего Пети. Очень и очень прошу Вас, когда будете в Белграде, поклонитесь могилочке моего сыночка от моего материнского сердца... С сердечным приветом к Вам — мать погибшего сержанта.

Дорогой Леонид Ильич! Поздравляю Вас с праздником... Желаю Вам отличного здоровья, большого семейного счастья, радости, благополучия!

С глубоким уважением
Е. С. Перебейнова.
г. Ростов-на-Дону.

Леонид Ильич внимательно отнесся к письму матери и выполнил ее просьбу. На могилу сержанта Петра Михайловича Перебейнова были возложены живые цветы с надписью на ленте: «От Л. И. Брежнева».

Бригадир колхоза «Кубань» М. И. Третьяков у скульптурного портрета Героя Социалистического Труда бригадира М. И. Клепикова.
Фото В. Кокалова

Светлана
САМСОНОВА

ВЫСТАВКА В КОЛХОЗЕ

Недалеко от Краснодара, в Усть-Лабинском районе, на самом берегу реки Кубань, размахнулись угоды многоотраслевого колхоза. Есть чем гордиться людям: и героями труда и высокими показателями. Ордена Ленина колхоз «Кубань» богат, зажиточен. В Усть-Лабинске отстроен просторный Дом культуры, оформленный московскими художниками.

Здесь произошло недавно примечательное событие — открылась выставка краснодарских художников, посвященная труженикам колхоза.

Несколько лет в колхозе «Кубань» работала творческая группа из восемнадцати человек, возглавляемая председателем Краснодарского отделения Союза художников РСФСР А. Калугиным. И вот их отчет, который они посвятили 60-летию Великого Октября.

Все было торжественно, нарядно. Собралось много гостей, среди них секретарь Краснодарского крайкома КПСС И. П. Кирило, а из Москвы — народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР В. Нечитайло и заслуженный художник РСФСР М. Савченкова.

Выставку открыл председатель колхоза И. Т. Сидоренко. Первый секретарь Усть-Лабинского райкома КПСС Н. А. Артюшенко отметил, что, сделав нынешнюю экспозицию, художники Кубани практически претворяют в жизнь решения XXV съезда нашей партии. Выступали хозяева и гости, смотрели работы, обсуждали.

Представлено около восьмидесяти произведений: живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство — все, как положено на обычных выставках. Только зрители были особенные — сами герои представленных работ. Художники волновались: как примут, что скажут? Принимали тепло, с любовью, но и с пристрастием, делали замечания, высказывали мнения.

Я попросила В. К. Нечитайло поделиться своими впечатлениями.

— Сам факт организации такой экспозиции — явление новое и знаменательное в нашей жизни, — сказал он. — Это теснее сближает искусство с действительностью, обогащает его. Непосредственное общение с героями нашего времени питает творчество художников живыми соками.

Удачны, на мой взгляд, скульптуры В. Жданова «Председатель колхоза «Кубань» Герой Социалистического Труда И. Т. Сидоренко» и «Академик П. П. Луныенко». Мне хотелось бы, — продолжал

Василий Кириллович, — отметить скульптурный портрет бригадира четвертой комплексной бригады колхоза «Кубань» М. И. Клепикова — члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР. Портрет сделан скульптором О. Коломойцевым. Хороши эпические пейзажи народного художника РСФСР В. Мордовина «Поле», «Кубань». Много портретных работ представил А. Калугин: мы видим на них бригадира пятой комплексной бригады М. И. Третьякова, механизаторов, агрономов. Достоверность и живописная сочность отличают полотна заслуженного художника РСФСР Г. Булгакова «Плавни отступают» и В. Кузьменко «Строительство Кубанского моря», отражающие насущные проблемы не только колхоза, но и всего Краснодарского края. Привлекательны жанровые работы молодого живописца В. Монастырского, натюрморты Р. Солуяновой... Всех перечислить трудно: работы разнообразны, есть даже плакаты. Но главное — выставка показывает красоту людей и природы тех мест. Поэтому она не могла не взволновать. — Василий Кириллович задумывается... Может быть, о ставшей ему родной Кубани, где он жил много лет, куда ездит теперь каждый год работать. О цветущей красножелтыми тюльпанами весенней степи, о бурных перекатах быстрой и широкой реки. — Знаете, — говорит художник, — сейчас там сады цветут, окутаны белым туманом... А люди в Краснодарском крае ладные, трудолюбивые, веселые. Скоро опять поеду в знакомые места писать картину. Про хлеб. Хлеборобы колхоза «Кубань» обязались в этом году дать по пятьдесят центнеров с гектара. Для сравнения: до войны тридцать два центнера считались рекордом. К таким людям тянет, хочется передать их жизнь, их образы ярко, правдиво... К этому стремились и художники Краснодарского края, чьи работы представлены сейчас на выставке.

А колхозники мечтают о своей собственной картинной галерее. И она, без сомнения, будет. Уже есть проект. Люди села тянутся к искусству, оно им необходимо.

В свою очередь, Союз художников РСФСР, понимая всю важность высокого художественного воплощения сельской темы в изобразительном искусстве, решил провести в текущем году выездной пленум, возможно, на одной из таких выставок, как в колхозе «Кубань».

В Ростовском обкоме КПСС состоялась встреча члена ЦК КПСС, первого секретаря обкома партии Ивана Афанасьевича Бондаренко и членов бюро обкома с Екатериной Семеновной. Иван Афанасьевич, выполняя поручение Леонида Ильича, вручил Екатерине Семеновне фотографии, на которых запечатлены могила Петра Перебейнова и букет живых цветов с надписью: «От Л. И. Брежнева». Секретарь обкома передал матери солдата слова сердечной благодарности от Леонида Ильича

за добрые пожелания, высказанные ему в ее письме.

Тронутая душевным вниманием товарища Л. И. Брежнева, Екатерина Семеновна передала в его адрес благодарственное письмо. «Дорогой Леонид Ильич! — пишет она. — Не нахожу слов, чтобы выразить свои чувства, свою радость, а главное — материнскую гордость за то, что во главе нашей родной партии стоите Вы — один из лучших сынов любимой Отчизны. Ваш огромный талант, кипучая деятельность, неустанная

борьба за мир и счастье простых людей земли снижали глубокое уважение к Вам у всего прогрессивного человечества.

Примите, дорогой Леонид Ильич, мой земной материнский поклон за все доброе и светлое, что Вы сделали и делаете для советского народа. Долгих лет Вам жизни, крепкого здоровья, новых успехов в борьбе за мир и процветание Советской Родины!..»

Ростов-на-Дону.

ГОРЬКИЙ, ГОР ЗАПАХ П

Юрий ПОМЧЕНКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАТЕРИ

Л

ето сорок третьего года в наших краях выпало сухим и жарким. Нещадно палило солнце, по степи закручивались частые вихри и, втягивая в себя бурые шары перекати-поля, с треском неслись по ковылю, влетали в город, волчком крутились по пыльным улицам, скатывались вниз с высокого берега и, взметнув космы волн, притихали, чтобы пройти над Иртышом низовым струйным ветром, а потом с новой силой взметнуться на песчаной косе другого берега, взлохматить луговые травы и, набирая силу, бежать дальше и дальше — к самому краю земли...

Но, несмотря на частые вихри, воздух был застоялым, и люди с тревогой поглядывали на небо, в котором каждый день бормотал гром. Однако тучи не могли пробиться сквозь раскаленный воздух и, помаячив вдали беспорядочными табунами, сваливались за оком. Когда в небесах перекатывался гром, то из степи доносился горький запах полыни, и старики объясняли острый дух горечь-травы тем, что она, мол, чувствует приближение дождя и распаивает свой невзрачный цвет.

Эти палящие зноем дни вызвали у меня непонятное чувство какой-то тревоги и неудовлетворенности. Мне казалось, что все важные события проходят мимо, и у меня зрела мысль бросить работу и убежать на фронт. Мне в то время исполнилось шестнадцать лет, и я уже два года работал на оборонном заводе дежурным электриком токарного цеха. Работа была хлопотной и нервной. Двигатели токарных станков были старыми и изношенными, часто выходили из строя, и вот тогда электрикам приходилось особенно трудно. Нужно было быстро найти неисправность, «прозвонить» обмотку, заменить двигатель резервным, а в это время простаивал станок и около него скапливались заготовки мин, и все прекрасно понимали, что значат для фронта эти чугунные корпуса с окалиной, еще горячие, поданные в токарный цех прямо с литейки...

Мы работали в три смены, но мне больше нравились ночные дежурства за их относительное спокойствие. Ночью, как правило, не срывалась подача электроэнергии, так как в городе все отключали, кроме завода, и можно было при случае немного подремать, при желании, забывшись куда-нибудь подальше от глаз мастера, почитать интересную книгу; а на рассвете вставать на купол заброшенного собора и наберуясь встретит восход солнца, полюбоваться сочными заливными лу-

гами на той стороне Иртыша и бескрайними просторами Кулундинской степи, начинающейся за последней улицей города.

Собор был самым высоким сооружением в городе. После революции, не то в восемнадцатом, не то в девятнадцатом году, в соборе случился пожар. Время было смутное, никто не стал восстанавливать «храм божий», и уцелевший остов мрачно и неприветливо возвышался в центре города у самого берега реки. В заброшенном соборе в огромном количестве развелись галки, висевшие по вечерам галдящей тучей над облезлым куполом...

В начале Отечественной войны собор и прилегающий к нему квартал с каменными рядами отвели под эвакуированный из Сталинграда завод.

Завод начал работать с первого месяца. Станки устанавливали под открытым небом, подводили к ним ток, а уж потом строили корпуса. В соборе начался монтаж электростанции, а рядом простирались временные, установив там три тихоходных дизеля. Но, несмотря на это, завод лихорадило от нехватки энергии, и в часы «пик» все отключали, оставляя под напряжением один литейный цех. Давали ток и бригаде электросварщиков, работающей на строящейся электростанции...

В такие минуты наш начальник цеха Сергей Иванович Абрамов, малоразговорчивый, хмурый, с вислыми усами старик, гнал меня на электростанцию «выбивать» энергию, и я задирным петушком налетал на дежурного по распределительному щиту, рвал глотку, пытаясь доказать, что токарный цех в данный момент выполняет срочный фронтальный заказ, обвинял всех и вся в бюрократизме и чуть ли не в измене, пока один раз не заработал по шее — вполне за дело, так как в запальчивости назвал дежурного пособником немцев.

Дежурный Иван Киргизов, из фронтовиков, перенесший тяжелое ранение, вытолкнул меня из щитовой и возмущенно пригрозил:

— Сопляк паршивый! Я тебе мурло изуродую за пособника, понял? Что я, разорвусь?! Сам в эти проклятые дизеля влезу? Сейчас даже фрезерный цех отключили, а там снаряды на потоке! Понимаешь, щенок, — снаряды!..

Он закашлялся и прислонился к стенке. Лицо у Киргизова стало бледно-фиолетовым, губы побелели. Из глаз потекли слезы. Он открывал рот, все пытаясь подавить вспышку кашля, а в его груди что-то хрипело и булькало... Я испугался, знал, что у него прострелена грудь.

После случившегося если меня посылали на электростанцию, то я уже не приставал к дежурному, а пристраивался у будки, наблюдая за лампочкой у входа нашего цеха. Как она загоралась, я спокойно возвращался назад, делая вид, что поданное напряжение — результат моей заботы.

Ночью такое не случалось, поэтому мне и нравились третьи смены. А потом в ночные дежурства я часто встречал Олю Кручинину, в которую был влюблен давно и безнадежно...

Влюбился я в Олю, когда учился в седьмом классе. Она была на год старше меня и училась в восьмом. Я хорошо знал ее, так как она с матерью жила по соседству, на одной улице. Ее отец был красным командиром и погиб во время финской войны.

До седьмого класса я не обращал на нее

внимания. Да и что было обращать? Девчонка как девчонка. Я, как любой пацан, не признавал девчонок и при удобном случае мог оттащить Олю за косы, ударить снежком, столкнуть в сугроб и обозвать обидным прозвищем. Но потом вдруг влюбился. Сам не знаю, почему такое случилось. Время, наверное, пришло кого-нибудь полюбить.

Ничего особенного в ней не было. Длинноногая, голенастая, большеухая, обсыпанная веснушками, с толстой русой косой, которую она то и дело резким движением забрасывала за спину и которой, видимо, очень гордилась. А меня это раздражало, вызывая непонятное волнение.

В один из вечеров, возвращаясь из школы с дружкой Димкой Семеновым, мы догнали Олю. Я стукнул ее по спине сумкой и свалил в сугроб, а Димка со смехом стал забрасывать Олю снегом.

Она не вскочила, как случалось раньше, не обозвала нас дураками, а лежала неподвижно в снегу, раскинула руки и смотрела на нас беззащитно и укоризненно. Шапка слетела с головы, коса толстым жгутом откинулась в сторону. У меня вдруг пропала всякая охота натирать ее снегом, и я снова ощутил смутную тревогу. Все вокруг мне неожиданно показалось не таким, как прежде: и далекий лай собак в кержачьем краю, и скрип снега под ногами редких прохожих, и пение санных полозьев, и прямые столбы розоватого клубящегося дыма из печных труб... А Оля по-прежнему лежала в сугробе в беззащитной позе и смотрела на нас большими потемневшими глазами.

Я оттолкнул Димку от девчонки, и мы пошли прочь, не разговаривая и боясь оглянуться назад. Димка — я заметил это — тоже сильно смутился...

Несколько дней я думал об Оле, и она все стояла перед глазами — беззащитная, с потемневшими глазами. После случившегося я перестал ее обижать и неожиданно влюбился. Разумеется, никто не догадывался о моем чувстве, а я любовь свою хранил в глубокой тайне...

В сорок первом, осенью, я из восьмого, а Оля из девятого класса поступили на обучение в школу ФЗО, организованную при эвакуированном оборонном заводе. Я выучился на электрика, а она стала электросварщицей. Почему Оля выбрала далеко не женскую специальность, было невдомек, а когда я спросил ее об этом, то она рассмеялась и ответила, что желает стать «повелительницей молний». Подобное выражение я не раз слышал от бригадира сварщиков Федора Санина, но не придавал тогда его словам особого значения...

Однажды после занятий в школе ФЗО я договорился с Олей встретиться и передать ей давно обещанную книгу. Я прождал ее на площади у проходной с полчаса и, увидев выходящей из ворот, поспешил навстречу.

Но она быстро прошла мимо и направилась к Федору, стоявшему у афишной тумбы. Я подумал, что Оля просто меня не заметила, и подошел сам, тронул ее за плечо и протянул книгу. Она нахмурилась, недовольно посмотрела на меня и снова повернулась к Санину, не замечая протянутой книги.

ЫКЙЙ ОЛЫНИ

Оля смотрела на Федора снизу вверх — он был высок и ладен, — и ее глаза блестели такой откровенной радостью, что мое сердце опалило внезапной тревогой от предчувствия чего-то непоправимого, вторгающегося в нашу дружбу. Глупо улыбаясь и ощущая на лице застывшую улыбку, я неловко отошел в сторону, сгорая от стыда, что оказался невольным свидетелем их встречи...

После этого я стал часто видеть их вместе. Федор провожал Олю домой, изредка они ходили в кино, бывали на танцах в городском саду — там по субботним и воскресным вечерам играл духовой оркестр железнодорожного депо.

Я старался избегать встреч, пытался не попадаться Оле на глаза, хоть и любил ее по-прежнему, если не сильнее. Иной раз наивно мечтал, что наступит минута и произойдет чудо — она вдруг полюбит меня... Уже позднее, повзрослев, я понял, что подобное чувство совсем не чуждо и умудренному опытом человеку, если он любит чисто и самоотверженно...

Месяца через три я все-таки столкнулся с Олей в цехе на комсомольском собрании. Она искренне обрадовалась, начала о чем-то расспрашивать меня, но я не понимал ничего, смотрел на Олю, видел ее счастливой и похорошевшей от любви. Ее счастливый вид неожиданно вызвал вспышку гнева, и мне вдруг страстно захотелось сделать Оле больно, сказать обидное и жестокое. Я хмуро перебил Олю и ехидно спросил:

— Почему Феденька на фронт не уходит?

— На фронт? — переспросила она. — Ты же знаешь, что он на брони.

— Ха, брони! А почему его одноклассники уже воюют, а он отсиживается в тылу? Он тебе не рассказывал, как ему удается такое?

Ее лицо враз покрылось жаркими пятнами, и она удивленно посмотрела мне в глаза. Кровь тут же начала отливать от щек — Оля почувствовала в моих словах ехидную злость. Поблуднела, нехорошо прищурилась, резко и отчужденно ответила:

— У Феде старший брат погиб недавно... От отца уже три месяца нет вестей с фронта, а ты?! Как ты смеешь? Он добивается призыва, но его не отпускают с завода... Какой же ты, оказывается, злой и нехороший!

— Я злой, а ты добрая, да? Ты...

Она, не дослушав меня, отошла к девочкам и в течение всего собрания ни разу не взглянула в мою сторону... Как я переживал и ругал себя за эту нелепую вспышку! У меня было такое ощущение, точно мне пришлось ударить беззащитного ребенка.

Но Федор Санин добился своего и поступил в офицерское училище. После ухода Федора в Красную Армию Олю словно подменили: она как-то померкла, похудела, стала замкнутой и неразговорчивой. Только через полгода я помирился с ней, но уже теплых отношений между нами не было...

В сорок втором году моего отца призвали в армию, а мама устроилась полеводом подсобного хозяйства завода и стала жить там с сестренкой. Свой дом мы передали одной эвакуированной из Ленинграда семье, а я поселился у маминой сестры, муж которой тоже

был на фронте. Я, как мог, помогал тете — заготавливал на зиму кизяк, чистил коровник, копал огород, по воскресным дням косил для коровы на лугах сено...

Трудно было, но перебивались кое-как, да и мама, наезжая один раз в месяц из подсобного хозяйства, всегда что-нибудь привозила с собой из продуктов, выменивая их на вещи в казахских селениях.

Город изменился, стал хмурым и неприветливым, жил одной войной: рано гасил огни, просыпался с рассветом. Каждый день кто-нибудь уходил на фронт, кто-то получал похоронки...

2

После ночной смены я решил перед сдачей дежурства слезть на собор и подышать свежим воздухом. Но мне вдруг очень захотелось увидеть Олю, и я прошел в машинный зал, где монтировалась турбина электростанции.

Оля в брезентовой робе, прикрывшись щитком, прогоняла сварочный шов. Ровно гудел трансформатор, под электродом билась ослепительная голубая дуга, сыпались искры, падали на ее колени, скатывались вниз и прыгали по полу. Едко пахло окалиной и дымом.

Я не стал отрывать ее от дела, остановился в стороне, дожидаясь, пока она начнет менять электрод.

Она заметила меня, отложила в сторону держак. Невесело улыбнулась. У губ прорезалась морщинка, которую я раньше не замечал. Может, от усталости? Время подходило к четверем утра, а проработать всю ночь на электросварке и парню трудно, не говоря о девушке. Глаза с припухшими веками, уставшие, и под ними легла тревожная синь.

— А, Мишенька... Снова к Иисусу в гости?

— Ага, — кивнул я, радуясь, что она заговорила со мной. — Может, и ты поднимешься подышать свежим воздухом?

Оля отрицательно покачала головой:

— Не могу, Миша. Работы много.

У нее дрогнул подбородок, и она быстро отвернулась, рывком нагнувшись к лицу щиток, поднесла к железной опоре электрод, и под ее руками забилась беспокойный огонь. Огненная дужка нервно прыгала по шву. Мне показалось, что Оля плачет. Я знал, что от Федора уже полтора месяца нет вестей с фронта...

И эти скрываемые слезы, ее измученный вид и морщина у губ, худая шея и свующиеся волосы вдруг вызвали во мне какую-то неосознанную вину перед Олей. Вину за то, что я, парень, нахожусь не на фронте вместе с ее Федором, а околачиваюсь здесь, в глубоком тылу.

В машинном зале стоял слитный гул трансформаторов. Сухо трещали электрические разряды. Бились голубые вспышки, освещая арматуру с лесами и выхватывая сгорбленные фигуры сварщиков. Малиновые искры ударялись о переплеты арматуры, падали вниз, рассыпаясь светящимися строчками по кирпичному, пахнущему глиной и затхлой плесенью полу... Бригада сварщиков, некогда возглавляемая Федором Саниным, трудилась с полной нагрузкой.

По узкой винтовой лестнице я поднялся под купол, через проем вылез на карниз. Ночью наконец прошел долгожданный быстрый ливень. Прямо передо мной, затянутый утренней дымкой, лежал Иртыш. На той стороне в молочном-лиловом тумане дремали луга. За лугами запад. Небо на западе темное, точно сгущенная синька, и по нему еще всю светят звезды... Там, на западе, за тридевять земель, идут жестокие бои, но каждый бой, каждое сражение доходит до нас громким эхом... Красноармейцы поднимаются в атаки, бьют орудия по танкам... Может, и мой отец вот сию минуту поднялся из окопа с гранатой в руке?

А на востоке раскинулась степь, прижала наш деревянный городишко к высокому берегу реки. Не светятся окна, пустынно и тревожно в городе. Последняя улица перед степью сплошь из глинобитных домишек с плоскими крышами. Говорят, в древние времена наш город взял начало от казацкой засеки-заставы. Где-то в этих краях в бурном Иртыше погиб атаман Ермак.

Степь розовела. После прошедшего ливня она была мокрой и сочной. На краю степи просыпалась заря и, разгораясь все ярче и ярче, отодвигала на запад синь небосклона, размывая звезды. И вдруг — я, сколько ни пытался, не мог уловить мгновение восхода — из-за плоского кургана показалось солнце, ударило лучами по крышам, зажгло пожаром темные окна домов, позолотило купол собора...

Я с волнением смотрел на степь, стараясь все запомнить до мелочей, ибо у меня уже вызрело твердое решение поехать на фронт. Я заканчивал военную подготовку на всеобщее при военкомате. И мне через четыре месяца исполнялось семнадцать лет...

3

В конце июля на одном из военных занятий я неожиданно увидел Олю Кручинину.

День был душным. Над степью плыло марево. Даже суслики, сомлев от жары, пересвистывались вяло и без задора.

У Оли на боку висела брезентовая медицинская сумка. Она и еще две девушки накладывали шину на ногу допризывника из второго взвода, который, видимо, представлял из себя раненого и лежал на носилках.

Во время перерыва я подошел к Оле, но нам не удалось поговорить, так как меня вызвал командир взвода, а потом начались занятия... Домой мы возвращались вместе. Сокращая путь, шли по степи окраиной города.

Солнце скрылось за горизонтом, и на небе начали появляться июльские крупные звезды. Стрекотали кузнечики, где-то ухала ночная птица. Оля вдруг остановилась и строго, точно испытывая, посмотрела на меня.

— Миша, не проговоришь моей маме, что видел меня на занятиях, хорошо? — Нахмурилась, немного помедлила. — Понимаешь, я решила уйти на фронт. Сейчас заканчиваю при госпитале курсы санинструкторов. Осталось полтора месяца...

Меня это известие ошарашило, но я промолчал. Она вздохнула и с болью проговорила:

— От Феди нет писем два месяца. Извелась вся. Буду проситься при назначении в его часть... Маму жалко. Совсем одна останется! А сейчас не хочу волновать ее раньше срока, здоровье у мамы плохое. Все когда решится, тогда сразу! Уйду в армию, так ты не забывай ее, ладно?

Она провела рукой по моим щекам. Ладонь была прохладной и шершавой от мозолей. Я невольно закрыл глаза от неожиданной ласки.

— Хороший ты, Мишенька, очень хороший! Я люблю тебя, как брата! — Снова вздохнула. — Два месяца он молчит! Что случилось, ума не приложу!

Оля прижала руки к груди. Жест получился какой-то беспомощный, и мне вспомнился тот далекий зимний вечер, когда я влюбился в нее. Я хотел было сказать ей, что не смогу помочь ее маме, так как сам думаю попасть на фронт, но промолчал, боясь расстроить Олю, и согласно кивнул головой...

У ее дома мы не задержались. Она пожала руку, извинилась:

— Очень устала, Миша... А завтра чуть свет на работу.

Домой я пришел задворками. Перемахнул заплот у сарая. В кухонном окне метался неяркий огонек коптилки.

Я открыл дверь и увидел маму, тетю и бабушку, сидевших за столом у самовара. Мама радостно улыбнулась, обняла меня и, поцеловав, слегка оттолкнула, всматриваясь в лицо.

— Как ты, Мишенька, вытянулся! А худющий-то какой стал!

Тетя горько улыбнулась:

— А от чего ему жиреть-то?

Я понял, что у женщин хорошее настроение, а это было верным признаком добрых вестей с фронта. Быстро спросил:

— Что пишут?

— Слава богу, — вздохнула мама. — Папа пишет, ихнюю часть вывели на отдых, а дядя Семен тоже жив и здоров. Слава богу!

— Что делается, не приведи господь, — сказала бабушка. Она плохо слышала и всегда в разговор вступала невпопад. — Игнатовым наемдни черную бумагу на сына прислали! Мама прижала руки к щекам, ахнула:

— Николенька?! Боже мой, что же делается на белом свете? Ведь совсем мальчик! И года не прошло, как ушел в красноармейцы!

Оборвалось у меня что-то в груди, и мутно сделалось на сердце. Я хорошо знал Николая и дружил с ним. Мы часто ездили на рыбалку — у Игнатовых была своя лодка. Прошлой весной собирали на заливных лугах утиные яйца, ловили птиц в заброшенном Дурмановском саду. Николая призвали в армию месяцев восемь — десять назад. На вид он был меньше меня: щупленький, с ласковыми, застенчивыми глазами. И дел-то, что старше меня на два года! Как-то не доходило до сознания, что его уже нет в живых...

Мама привезла с собой продуктов, но я ел безо всякого аппетита, расстроенный тяжелым известием.

Не засиживаясь, я поднялся из-за стола и ушел на сеновал. Летом я всегда спал на сеновале. Мама попыталась удержать меня, но я сослался на усталость...

Расстелив на сене старый тулуп и укрывшись потертым байковым одеялом, я старался уснуть, но, несмотря на усталость, мне не спалось... Все перед глазами стоял Николай Игнатов. Через несколько месяцев мне уже исполняется семнадцать лет. Гайдар в пятнадцать начал воевать, а в шестнадцать

уже стал красным командиром. Всю эту неделю я работаю в ночную смену, днем свободен, и нужно будет попробовать добиться призыва через военкомат. Коли не призовут по-доброму, то сам уйду на войну... Ничего, как-нибудь доберусь до фронтовой полосы, а там... там будет видно!

Рано утром я проводил маму — в подсобное хозяйство шла заводская полуторка. Мама была грустной и задумчивой. Очень она изменилась за последний год: похудела, добавилось морщин на лице, в темных волосах прижилась седина, а глаза все время какие-то тревожные и усталые. Прощаясь, она заглянула мне в глаза, попросила:

— Сына, ты береги себя!
— Ну что же со мной случится?
— Все-таки береги себя, Миша... Сердце жмет что-то...

Когда тронулась машина, я насилу сдержался, чтобы не броситься вслед. Меня охватила внезапная тоска от мысли, что я, может быть, вижу маму последний раз в жизни... Я долго наблюдал за полуторкой, пока та не скрылась в конце улицы, и все видел маму, сидящую на каких-то тюках и машущую мне косынкой...

Проводив маму, я пошел в военкомат, что разместился на окраине города в длинных деревянных бараках. Дежурный показал мне комнату начальника части, ведающего набором в армию.

Начальник части лейтенант Марков, из фронтовиков, с орденом «Красная Звезда» и медалью «За отвагу» на груди, не дослушав просьбы, выгнал из комнаты.

Вид у лейтенанта был суровый. Немигающие темные глаза. Наискосок от виска, пересекая бровь, щеку и губы, пролегал тонкий розовый шрам, придавая худому, вытянутому лицу неприветливое и жесткое выражение. Офицер стукнул рукой по столу, прищурил глаза. Шрам тонкой стремительной змейкой прорезал лицо и скривил губы.

— А ну марш на работу! — приказал он и презрительно добавил, оглядев меня с ног до головы: — Тоже вояка мне нашелся!

— Не имеете права! — выкрикнул я запальчиво, с трудом выдерживая взгляд офицера. Мой голос сорвался и пискнул по-петушиному. — Не имеете права! Я добровольно!

Лейтенант посмотрел на меня с удивлением. Поднялся из-за стола и, сильно припадая на левую ногу, подошел вплотную. Уперся взглядом. Щека дернулась, шрам налился кровью и резко взбурлил на лице. Отрывисто сказал:

— Не имею права?! Имею. А ну марш на завод! Призовем, когда потребуется!

Я пробкой вылетел из комнаты, но в коридоре пришел в себя и по-настоящему разозлился. В конце концов я же не в дом отдыха прошусь, и какое он имеет право так со мной разговаривать? Нет, не на того напал... Не захочет разговаривать со мной, до самого военкома дойду!..

Через полчаса я снова зашел к лейтенанту и твердо сказал, не опуская глаз под его грозным взглядом:

— Если не отправите в Красную Армию, уйду, понял? Мне уже семнадцать лет!

— Семнадцать? Скажите, пожалуйста! — ехидно выдавил он. — А я думал, двенадцать, ты уж извини...

— Как вкалывать на заводе, так мы сейчас вполне за тридцатилетних сходим и план нагору на двести процентов даем!

Он быстро взглянул на меня, снова взорвался и повысил голос:

— Перестанешь ты мне мозги крутить?! На «губу» захотел? Уйди с глаз и не мешай работать!

Было обидно до слез, что лейтенант не принимает меня серьезно и разговаривает со мной грубовато-покровительственным тоном, словно я какой-нибудь несмышленыш.

Я потоптался на месте, пытаюсь обратить на себя его внимание, но лейтенант уткнулся в какие-то бумаги и упорно не замечал моего присутствия. Я пожал плечами и вышел из комнаты, про себя твердо решив, что не отстану, пока не добьюсь своего...

Часа через полтора, дождавшись, пока он в комнате останется один, — к нему то и дело

заходили люди, — я снова ворвался к лейтенанту.

На этот раз он посмотрел на меня с интересом, видимо, удивляясь моей настырности. Его губы тронула улыбка.

— Ты кем работаешь на заводе?
— Электриком...

— Так... Значит, электрик? Ничего не могу сделать. У вас на заводе брони!

Замечание лейтенанта страшно возмутило меня.

— Какая к черту броня?! Любая девчонка на моем месте справится. Подумаешь: дежурный электрик!

Марков отрицательно покачал головой.

— Придет время твоего года, призовем... А сейчас уходи!

— Не уйду! — набычился я.

Он вдруг рассмеялся и добродушно проговорил:

— Ну оставайся! Оставайся, если располагаешь временем. А я сейчас уезжаю в район!

Он подошел к вешалке, надел фуражку и посмотрел на меня в ожидании, что я уйду. Мне ничего не оставалось делать, как, понурив голову, выйти из комнаты. Уходя, я машинально посмотрел на потолок и заметил, что электропроводка держится на честном слове: старая, поплававшаяся, провисшая... Мне вдруг пришла в голову авантюрная мысль: провести новую и этим завоевать доброжелательность сурового лейтенанта. Нужно попытаться, ну чем черт не шутит? Гляди, и выгорит что-нибудь!..

На другой день, после ночного дежурства, отдохнув часа три, я снова пошел в военкомат, прихватив с собой моток электрошнура, выключатель, ролики и две лампочки по сто свечей.

Лейтенанта не оказалось на месте, и я насилу упрямил дневального из солдат-нестроевиков открыть пятую комнату, сказав, что меня прислали с завода по просьбе Маркова исправить проводку...

Я уже заканчивал работу, когда на пороге появился Марков. Усталый, серый от пыли, он еще больше припадал на раненую ногу.

— Это что за фокусы? — удивился офицер, рассматривая новую проводку. Я прикреплал к стене выключатель и не повернулся на его замечание, продолжая закручивать шурупы... Вспомнив вчерашнее ехидное замечание насчет моего возраста, я ответил:

— Пытаюсь доказать вам, что я настоящий работника, а не какой-то пацан бестолковый!

— Слушай, парень, ты под трибунал хочешь загреметь?

— Почему? — удивился я.

— Считаешь, что тебя за два дня прогула по голове погладят? А потом, ты где стащил провод?

Я усмехнулся и весело посмотрел на лейтенанта:

— Можете не переживать и не беспокоиться! Работаю в ночную. А провод мастер цеха разрешил взять. Я рассказал ему, в каких условиях работаете. — И грубовато подольстил: — Глаза же можно испортить!

— Значит, мастер разрешил, — пробурчал он, подходя к столу. — Ну и врать ты здоров!

Промолчав, я закрепил крышку выключателя и щелкнул кнопкой. Две лампочки залили светом большую комнату. Лейтенант зажмурился и поднес ладонь к глазам.

— Ну и хитрец! Что же мне с тобой делать?

— Отправить в Красную Армию!

— Ишь ты, в армию сразу... Образование?

— Восемь классов. Восьмой мне не удалось закончить, ушел в школу ФЗО.

Марков внимательно посмотрел на меня и задумчиво спросил:

— Может, тебя определить в военное училище? Скоро разнарядка придет, да и образование позволяет...

Разумеется, училище меня не устраивало, мне хотелось сразу попасть на фронт. Но я промолчал, а лейтенант весело спросил:

— Не отправлю, так, говоришь, сам сматываешься?

— Ну конечно! Что я, маленький? — подтвердил я, радуясь, что мое дело тронулось с места.

Окончание следует.

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

Знакомьтесь: семья Орловых — муж, жена и пятилетняя дочь. Вот они идут по улице, все трое, и прохожие глядят им вслед, — приятно видеть таких молодых, симпатичных, счастливых.

Завод, где работает глава семьи, Анатолий Петрович, известен не только в его родном Волгограде — многие наслышаны о знаменитых «Баррикадах»: добрая слава идет об установках для бурения скважин на нефть и газ, роторных заготовках для турбин, отмеченных Знаком качества. Немало здесь своих героев, завоевавших общее признание. А Орловы пока что ничем не прославились, просто они честно делают свое дело. Анатолий Петрович — инженер, Екатерина Сергеевна — старшая пионервожатая в школе № 13, дочка Лена — воспитанница детского сада. Словом, самая обычная семья, но только чрезвычайно дружная — это отмечают все, кто их знает.

Анатолий — местный, коренной волгоградец, а Екатерина выросла в подмосковном Калининграде. Там, будучи студентами, они познакомились и поженились. Пока Катя оканчивала свой кооперативный институт, Анатолий — специалист по электронно-световой технике — два года работал в Москве. А потом они отправились в Волгоград. Откровенно говоря, молодой инженер понимал, что именно там ему придется нелегко. Почему? Дело в том, что отец его, Петр Петрович, на заводе весьма известен и уважаем. Сорос пять годков проработал он на «Баррикадах» и вот уже одиннадцать лет — бессменный секретарь заводского парткома, а начиная с 1953-го и бессменный депутат то горсовета, то райсовета. Орлов-младший не имел права ронять семейную честь, а потому должен был трудиться без сдвигов на возраст и отсутствие опыта. Упорства и трудолюбия ему не занимать, и теперь о нем говорят не как о сыне знаменитого Петра Петровича Орлова, а как о человеке самостоятельном и умелом.

Катя тоже была инженером на «Баррикадах». А три года тому назад ей предложили поработать летом в пионерском лагере. Согласилась. И очень ей понравилось с детьми. Как быть? Сменить профессию? Пойти в школу старшей пионервожатой? Хорошо бы. Правда, зарплата там поменьше. Но она согласна. А муж? Анатолий сказал: «Раз нравится — иди. Всех денег не заработаешь. Сократимся в расходах, только и всего».

Может, у них и семья такая дружная благодаря Катиным способностям и педагогике?

Ведь, казалось бы, поводов для споров у Орловых предостаточно. И характеры у них разные, и интересы во многом несхожи. Но постепенно научились уважать точку зрения «противной стороны». Вот, например, поводом для бурных дискуссий было несходство в театральных вкусах. Потом нашли выход, стали ходить в театр порознь: Катя — с подругами, Анатолий — с друзьями. И в отпуск врозь ездят, оба считают: от счастья тоже устаешь, каждому нужно и отдохнуть вдали от другого. Важно только доверять и помогать друг другу. Во всем — в том числе и в делах домашних. Кстати, делами «для дома, для семьи» Орловы занимаются с большим увлечением. Оба рукодельники, и каждый на свой лад. При всем обилии школьных и домашних обязанностей Катя находит время для вышивки и вязания. Большой затейливый ковер — украшение новой квартиры сделан руками хозяйки. Анатолий — мастер на все руки: даже мебель сам делает. Недавно окончил новомодную «стенку», почище фабричной...

Как видите, никаких особых секретов счастья у Орловых нет. Просто они по-настоящему дорожат своим семейным коллентивом и делают все, чтоб еще больше его укрепить.

...Идут по городу-герою трое: мать, отец, пятилетняя дочь. Орловы. Семья как семья.

Н. ВЛАСОВА

ЗРИМОЕ ВРЕМЯ

Геннадий КОВАЛЕНКО,
директор издательства «Планета»

«Планета» — молодое издательство. Оно было создано лишь восемь лет назад. Но открытками, вышедшими в «Планете», уже можно было бы двадцать один раз опоясать экватор или выстлать путь до Луны и обратно. Издательство выпустило и несколько сот красочных альбомов тиражом свыше пяти миллионов экземпляров.

Сейчас можно без преувеличения сказать, что продукция издательства с интересом принимается советскими людьми, известна она и за рубежами нашей Родины. Золотых, серебряных и бронзовых медалей удостоены наши издания на различных выставках и конкурсах. И это не случайно. Новое издательство родилось на хорошей почве. За годы Советской власти фотопублицистика в нашей стране развилась и возмужала. На ее счету — широкая, всеобъемлющая фотолетопись эпохи, боевых и трудовых подвигов народа. Бесценные кадры донесли до нас события Великой Октябрьской и гражданской войны, эпопею созидания в годы первых пятилеток. Незабываемы фоторепортажи с фронтов Великой Отечественной войны... И, наконец, панорама грандиозного трудового подъема современности. Все это богатство фотозобразительного искусства досталось в наследство «Планете». Мы стараемся бережно использовать его, развивая лучшие традиции советской фотопублицистики.

Все мы сейчас переживаем волнующие дни подготовки к празднованию 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. И на первом плане у нас, естественно, продолжение, развитие и углубление фотোগрафической Ленинианы. В Советском Союзе издано много альбомов о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. В частности, в «Планете» вышло уже несколько изданий о великом вожде трудящихся, в том числе дважды переиздавался наиболее полный фотографический альбом «В. И. Ленин», созданный совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Казалось бы, ныне известны все ленинские фотографии. Но вот издательство предложило факсимильное издание альбома «Ильич», и он с новой силой тронул сердца читателей. Этот альбом уникален уже тем, что фотографии для него были подобраны в свое время Надеждой Константиновной Крупской. К юбилею Октября выйдет второе его издание. Ленинской теме будут посвящены также альбомы «Вечно живой» и «Бессмертное Ленина имя».

В изданиях, подготовленных к юбилею, широко прозвучит тема рабочего класса. Специальный альбом так и будет называться — «Слово о рабочем классе». Тема Великой Октябрьской социалистической революции найдет интересное отражение в двухтомном издании о Большом театре (в томе «Опера», например, показываются такие произведения, как «Октябрь» Мурадели, «Оптимистическая трагедия» Холминова, «Тихий Дон» Дзержинского и другие); в альбомах «Десять новелл о Ленинграде», «Реликвии ратного подвига»; в комплектах открыток о Москве и Ленинграде.

Гордостью нашего издательства стал альбом о жизненном пути и неутомимой деятельности Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева. Нам приятно сознавать, что альбом «От съезда к съезду», который отразил динамику нашего роста, черты и контуры коммунистического развития, был подарком делегатам XXV съезда КПСС.

Интересными обещают быть альбомы, создающиеся по материалам конкурсных работ, присланных в газету «Правда», и на основе Всесоюзной фотовыставки, посвященной XXV съезду КПСС. Мне часто задают вопрос: как мы откликаемся на события дня, на острые проблемы современности? Действительно, фотоальбомы и фотокнижки — плоды работы не одного-двух месяцев. Процесс их создания длится годами. И все же коллектив «Планеты» стремится оперативно откликаться на важнейшие события.

На строительство БАМа выезжает первый комсомольский ударный отряд, получивший напутствие XVII съезда ВЛКСМ. Вслед за ним на трассу будущей дороги прибывают работники издательства и «Комсомольской правды», создают там клубы фотолюбителей и объявляют фотоконкурс. Все это помогло собрать богатый документальный фотоматериал. И результат: издание альбома «БАМ. Магистраль» и нескольких комплектов открыток «Дорога героизма и мужества».

Так же оперативно мы издали альбомы «Днепродзержинск», «День моего города» о Ставрополе и другие.

Издания, выпускаемые «Планетой», отличаются разнообразием жанров. Например, у видовых альбомов, посвященных различным районам страны («Командоры», «Человек, земля, океан», «Байкал», «Здравствуй, Сибирь!», «Волга», «Заонежье»), тон повествовательный. Благодаря этому достигается эффект присутствия читателя в тех местах, о которых ведется рассказ.

В ряду этих названий хочется выделить альбом о столице нашей Родины Москве. В нем объединен труд около ста советских фотомастеров, в разное время запечатлевших достопримечательности столицы. У каждого из них свой творческий почерк. Это, однако, не помешало составителям альбома средствами художественной и документальной фотографии цельно выразить главную идею: показать Москву — хранительницу основных национальных традиций и знаменосца революции — Москву героическую, давшую сокрушительный отпор фашистским захватчикам и

выступающую сегодня неутомимым глашатаем и поборником мира; Москву, преобразенную самоотверженным и заботливым трудом советских людей, борющихся за превращение столицы в образцовый коммунистический город.

Сейчас много внимания уделяется охране окружающей среды. Издательство выпустило уже альбом «Лесопарки СССР» и приступает к подготовке альбома «Человек и природа». Этот альбом должен воспитывать у читателя чувство любви и бережного отношения к природе, укреплять в нем гордость за красоту и природные богатства своей Родины.

У нас в стране любят путешествовать. Поэтому мы стремимся дать читателю красивые книги, яркие открытки, связанные с курортами страны, достопримечательными и заповедными местами (пушкинские места, лермонтовские Тарханы, толстовская Ясная Поляна, Алтайский заповедник и др.). Мы стремимся создать как бы фотографическую карту нашей Родины.

Известно, что маленькому человеку, ребенку, окружающий мир представляется наиболее ярким и удивительным. И мы хотим языком фотоискусства рассказать детям о музеях, связанных с именами наших национальных героев, совершить с ними интересные экскурсии и походы в различные уголки страны.

«Планета» плодотворно сотрудничает с издательствами и полиграфическими предприятиями социалистических стран. Недавно совместно с венгерским издательством «Корвина» мы выпустили фотоальбом «Рядом друг» о советско-венгерской дружбе. Вместе с издательством «Брокгауз» (ГДР) нами подготовлен фотоальбом «Дорогами дружбы». Советские мастера снимали для него в СССР маршруты немецких туристов, а фоторепортеры ГДР в своей стране — маршруты наших туристов. Аналогичный альбом будет выпущен «Планетой» вместе с польскими коллегами из издательского объединения «КАВ». С болгарскими издателями мы задумали долготелюсную программу создания серии альбомов о городах-побратимах. Первый из них, о городах Ростове-на-Дону и Плевне, выйдет к 100-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига.

Внешнеполитические акции Советского правительства, направленные на разрядку напряженности, способствуют развитию сотрудничества с капиталистическими фирмами. «Планета» издала альбом Джини Лоллобриджи «Моя Италия», а вместе с западногерманским издательством «Анерт» выпущен альбом «Путешествие по Советскому Союзу», который хорошо принят читателями в ФРГ. Мы намерены переиздать фотокнижку «Леонардо да Винчи» (издательство «Джунти»), сделанную на основе известного у нас телефильма, альбом «Микеланджело» фирмы «Риццоли» и ряд других. Хотелось бы высказать слова благодарности миланской фирме «Амилкаро Пицци», прекрасно напечатавшей несколько вариантов фотоальбома «Москва». С издательством этой фирмы «Сильвина» мы намерены издать фотоальбом о нашей стране с тем, чтобы распространять его в Италии и частично для иностранных туристов, приезжающих в Советский Союз. Ведутся также переговоры с американскими, английскими и швейцарскими издателями.

Сейчас советские издатели готовятся к первой международной книжной выставке-ярмарке в Москве, на которой «Планета» может предложить иностранным коллегам право на переиздание фотоальбома «Большой театр», многолетнего издания «Великая Отечественная война в фотографиях и кинодокументах», серии альбомов о старейших русских городах: Москве, Новгороде, Смоленске и других.

Мне кажется, что наших зарубежных гостей должны заинтересовать издания, которые мы готовим к Олимпийским играм 1980 года. Это альбомы о развитии в нашей стране спорта, серия путеводителей о городах, где будут проходить отдельные виды Олимпийских игр, например, о Ленинграде, Киеве, Минске, Таллине. Многие гости приедут к нам на автомобилях. Им кстати будут дорожные автопутеводители, которые также готовит наше издательство.

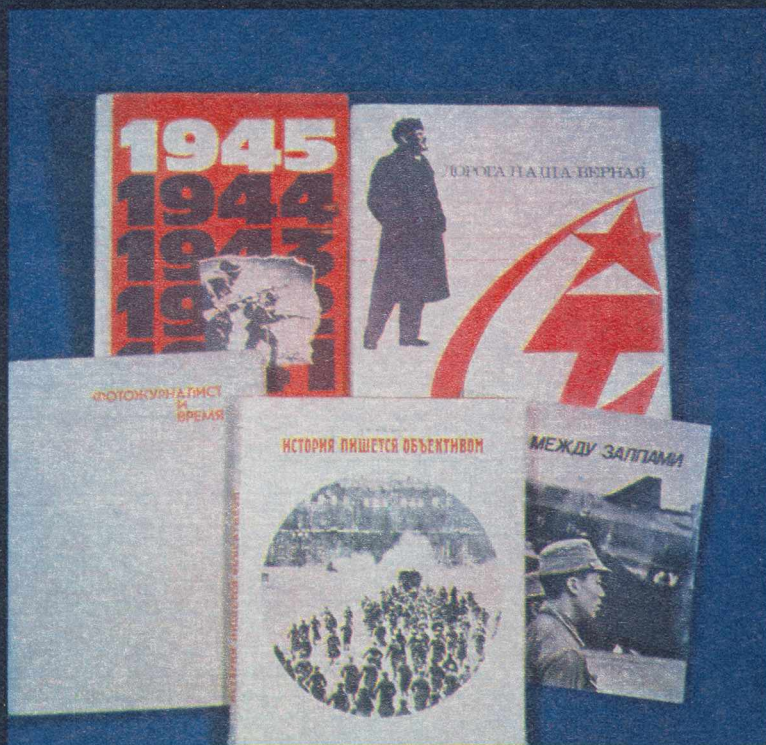
Особое слово о поисках новых форм изданий, которые ведет коллектив «Планеты». Несколько лет назад еще шли споры о том, возможно ли издание нового типа — фотокнижка: не просто собрание фотографий, а художественная фотопублицистика, с внутренней логикой развития изобразительного ряда. Такое издание должно создаваться по заранее разработанному сценарию. В нем совершается своеобразный переход от газетной и журнальной фотопублицистики к новому жанру, позволяющему современному фотоискусству конкурировать с документальным кино и телевидением. Фотокорреспондент, сценарист, художник и автор текста в тесном творческом содружестве призваны соз-

Они строят Москву... Бригада коммунистического труда, возглавляемая В. Д. Борущим. Фото В. Янкова (ТАСС). * Книжки издательства «Планета».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Вымпел победителям социалистического соревнования (Волгоградский химкомбинат имени 50-летия Октября). Фото Н. Суровцева (ТАСС).

ПОБЕДИ
во Всесоюзном
социалистическом
соревновании

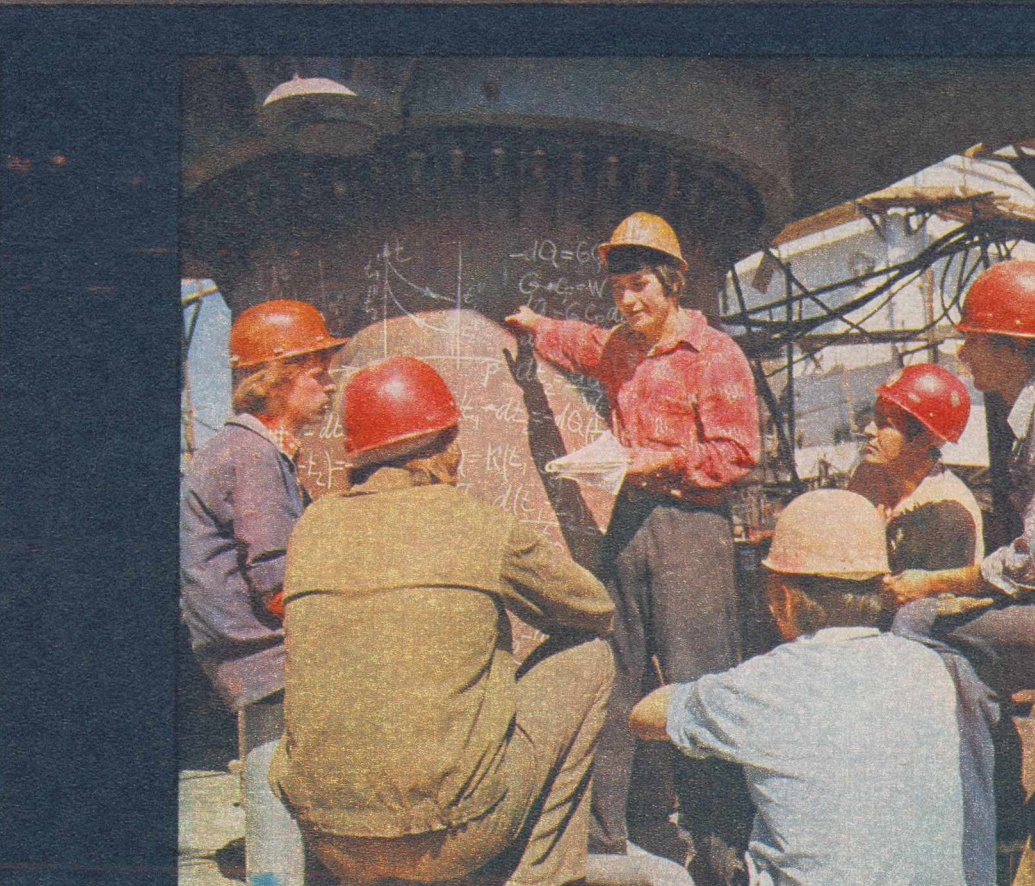
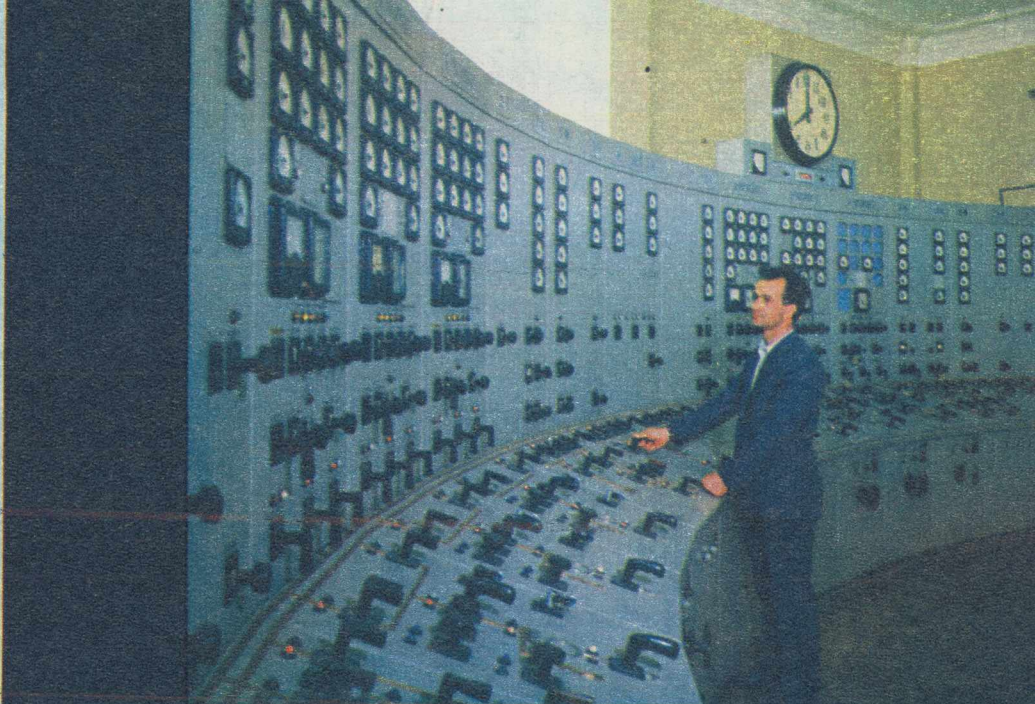

ТЕЛЮ

10.11

ТАЛАНТ ИЗ НАРОДНЫХ ГЛУБИН

А. ЖУРАВЛЕВА,
доктор филологических наук

Идут годы, и чем больше их проходит, тем ценнее и значительнее становятся произведения Михаила Александровича Шолохова, с опромной художественной силой отразившие судьбы народа и Родины, начиная с периода, предшествующего мировой войне 1914 года, и по наши дни. О творчестве М. Шолохова существует обширная литература, но оно настолько глубоко и художественно многогранно, что поток исследований, открывающих все новые и новые стороны шолоховских произведений, не прекращается и никогда не прекратится.

Ценной работой является книга Ф. Бирюкова о художественных открытиях М. Шолохова. Эта глубокая, интересная и содержательная работа — результат долголетнего труда и напряженных творческих исканий известного литературоведа.

Ф. Бирюков избирает проблемный метод исследования, выделяя наиболее острые, животрепещущие вопросы изучения творчества М. Шолохова, которые стали содержанием трех глав монографии: «Крестьяне в эпосе Шолохова», «Три войны», «Художник. Стилист».

Крестьяне занимают огромное место в творчестве писателя, поэтому глубоко прав Ф. Бирюков, когда пишет: «Художественный мир Шолохова — прежде всего крестьянский мир, хотя полностью к нему, конечно, не сводится...»

Раскрывая идейно-художественную специфику изображения крестьянства в творчестве М. Шолохова, Бирюков решает проблему традиций и новаторства. Привлекая обширный материал, исследователь показывает огромное значение кре-

Ф. Бирюков. Художественные открытия Михаила Шолохова. М., «Современник», 1976. 350 стр.

стьянской темы в русской классической литературе и в литературе, предшествующей М. Шолохову. Здесь он обращается к произведениям Л. Толстого, Г. Успенского, А. Чехова, И. Бунина, С. Подъячева, И. Вольнова и других.

Новаторство М. Шолохова автор монографии видит прежде всего в том, что М. Шолохов, самобытный художник, рожденный революционной эпохой, показал крестьянство в период важнейших исторических событий. В книге исследуется, как уже в «Донских рассказах» крестьяне изображаются писателем в острых социальных столкновениях. Уделяя внимание характеристике мастера М. Шолохова-рассказчика, критик отмечает драматичность сюжетов, глубину и типичность созданных характеров, широкие обобщения, неповторимость картин природы, «цветной язык», которым говорит казачество.

Эпопею «Тихий Дон» автор рассматривает как поистине гениальное произведение, где крестьяне включаются М. Шолоховым в бурный водоворот исторических событий. Они проходят через мировую войну 1914 года, Великую Октябрьскую революцию, гражданскую войну. Исследователь замечает, что «Шолохов открыл читателю Дон», воссоздав эпическую, величественную, широкую историю казаков. Наполнены огромным философским смыслом слова старинной казачьей песни, взятой в качестве эпиграфа:

Не сохами-то славная
землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка
лошадиными копытами...

Очень важна для понимания идейного содержания эпопеи правильная оценка причин Верхне-Донского восстания. И Ф. Бирюков документально доказывает, что одной из существенных причин восстания была деятельность Троцкого и его пособников, которые много сделали для извращения политики партии в отношении донских казаков.

Пристальное внимание автор

монографии уделяет анализу образа Григория Мелехова — самого глубокого, покоряющего и противоречивого характера, созданного М. Шолоховым. Чувствуется любовь исследователя к этому герою, который определяется им как гениальный художественный характер, созданный писателем.

Исследователь справедливо считает, что именно в Григории Мелехове показаны сложность духовного мира человека из народа, глубина и сложность его чувств, его трудный путь в мировой войне, в Октябрьской революции и гражданской войне, его сомнения и колебания, его взлеты и падения. Автор подводит итог спорам критики вокруг Григория Мелехова и убедительно полемизирует с теорией отщепенства Мелехова, развитой в трудах некоторых литературоведов.

В разделе книги «На новом переломе» характеризуется изображение М. Шолоховым донского крестьянства в романе «Поднятая целина» на новом этапе, в пору коллективизации.

Автор монографии показал новаторство М. Шолохова, которое заключается в глубоко художественном изображении путей деревни к новой жизни, здесь же отмечается мастерство М. Шолохова в создании образов-типов представителей крестьянства: Майданникова, Ушакова, Любишкина, — подчеркивается значение образов коммунистов Давыдова, Нагульнова, Разметнова и определяется их роль в формировании нового отношения крестьянства к колхозам, к труду и частной собственности.

Особо останавливаясь на второй книге «Поднятой целины», исследователь закономерно указывает, что здесь М. Шолохов дает более углубленное изображение образов коммунистов, вводит в роман новых героев: Ивана Аржанова, Устина Рыкалина, Варю Харламову.

В главе «Три войны» характеризуется новаторство М. Шолохова в изображении народа — участника трех войн: первой мировой, гражданской, Великой Отечественной. Ф. Бирюков отмечает, что в «Тихом Доне» писатель-гуманист сделал героем эпопеи многомиллионное население

Ф. БИРЮКОВ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОТКРЫТИЯ
МИХАИЛА
ШОЛОХОВА

страны, ввергнутое в пучину войны 1914 года, и показал войну как страшное народное бедствие. Именно народная трагедия в мировой войне способствовала в трактовке М. Шолохова росту революционного сознания в народных массах, чему в значительной степени помогла деятельность большевиков, представленных в романе в образах Штокмана, Подтелкова, Бунчука, Котлярова и других.

Запечатлев в эпопее народную трагедию в войне, М. Шолохов, по выражению Ф. Бирюкова, «...создал величественный скорбный плач о погибших под орудийный гул, проклял преступные войны» и показал, что «идея революции выношена и выстрадана «низкими».

Говорит исследователь и о художественном мастерстве М. Шолохова. Очень тонко и вдумчиво характеризует Ф. Бирюков богатство языка его произведений, умение писателя создать картины природы, наполненные цветом и запахом, исключительное мастерство в изображении ярких и выразительных характеров представителей народа. Говорится о значении в книгах М. Шолохова образов-символов, таких, как образы Дона, степи, проходящие через все творчество писателя.

Всем содержанием своей интересной книги Ф. Бирюков показал, что М. Шолохов — «талант из народных глубин» и что «книги Михаила Александровича Шолохова на всех континентах земного шара сражаются за правду. И побеждают».

давать нечто вроде застывшего фильма. И теперь задуманное воплощается в реально существующих изданиях. Пусть их пока немного, но уже можно говорить о зарождении нового жанра. Первооткрывателями стали фотокниги «История пишется объективом», «Дорога наша верная», «Между залпами» и другие.

Есть у «Планеты» еще одна сторона деятельности — создание книг по теории и истории фотоискусства, книг, обобщающих опыт ведущих советских фотожурналистов и фотохудожников. Жизнь требует поднять теорию и практику фотоискусства на более высокую ступень, сделать документальные по своей природе фотоизображения острым оружием образной публицистики. В книге «Фотография среди искусств» глубоко рассматривается природа фотоискусства, объясняется, что такое фотодокументальность и образность в фотографии, поднимаются проблемы традиций и новаторства.

Конаково. Монтируется ЛЭП. Фото Л. Палладина. * Пульт управления Днепротэса. Фото Д. Германа. * На Куйбышевском авиационном заводе. Фото М. Редькина и Е. Кассина. * В литейном цехе Карагандинского металлургического комбината. Фото Ю. Куйдина. * Обеденный перерыв у астраханских судостроителей. Фото М. Редькина.

Издательству «Планета» принадлежит честь выпуска первой антологии фронтового фоторепортажа — сборника «Ради жизни на земле», первых ежегодных сборников лучших фотографий года — «Фото-70» — «Фото-75», сборника «Фотожурналист и время», в котором впервые соединены разрозненные статьи по различным вопросам теории и практики советской фотопублицистики.

Издательство наладило регулярный выпуск монографий об отдельных фотохудожниках в серии «Мастера советского фотоискусства».

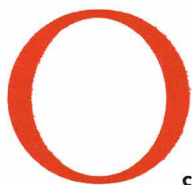
Если же продолжить мысль о новых жанрах, то показательным примером может служить создание при нашем издательстве редакции слайд-фильмов. Слайд-фильм объединяет в себе фотографическую технику, динамику кинематографического монтажа, звуковую палитру радио. Отдельные фотокдры монтажно складываются в единую композицию, связанную одной идеей.

Мне хотелось бы закончить свое выступление на страницах журнала словами о том, что могучим импульсом для нового подъема работы в коллективе нашего издательства являются решения XXV съезда КПСС. Они определили десятую пятилетку как пятилетку эффективности и качества. Применительно к нам это значит, что «Планета» должна создавать издания, освещающие в первую очередь современную жизнь страны, на уровне высших требований века.

Коллектив издательства «Планета» приложит все силы, чтобы достойно выполнить эту задачу.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

О славном боевом прошлом города, о его живых традициях и их истоках говорят названия многих улиц в Вологде. Улица Петра Лаврова. Улица Урицкого. Улица Воровского. Улица Саммера. Улица Луначарского... Видных революционеров в разные годы ссылали в Вологду, и они жили там по несколько лет, оказывая на окружающих могучее духовное облагораживающее влияние.

Именно из Вологды бежал Петр Лавров за границу, где примкнул к Интернационалу и помогал Парижской коммуне; похороны Лаврова в Париже собрали в 1900 году более ста тысяч провожающих; более двухсот венков было от рабочих организаций. Похороны превратились в мощную политическую демонстрацию.

Нетрудно представить, какие могучие искры революционного сознания высекало общение этого человека с вологжанам.

В разное время до революции в Вологде жили и бывали видные деятели большевистской партии: В. Куйбышев, ближайший соратник В. И. Ленина И. Бабушкин, один из первых русских марксистов Н. Федосеев, рабочий-революционер П. Моисеенко, первый переводчик «Капитала» К. Маркса на русский язык Г. Лопатин...

Живший в Вологде в начале нынешнего века Н. Петров, в будущем один из видных советских режиссеров, оставил воспоминания, где пишет: «Весна 1905 года. Канун Декабрьского восстания. Вологда в ту пору была местом ссылки политических заключенных. Город был заполнен сосланной интеллигенцией, жившей под надзором полиции, и это создавало своеобразный пульс жизни...»

Позднее, в 1912 году, сюда сослана и живет в Вологде до 1914 года М. И. Ульянова, младшая сестра Владимира Ильича Ленина. К ней приезжает и здесь поселяется Мария Александровна, мать Владимира Ильича. В городе есть музей М. И. Ульяновой; светлые, чистые комнаты двухэтажного домика, кажется, сохранили атмосферу тех лет, когда здесь жила Мария Ильинична, притягивавшая умы и сердца вологжан. Находясь в этих комнатах, легко представить людей, собиравшихся здесь по вечерам, их споры, рассуждения о новых книгах, приглушенное пение революционных песен...

Театр в Вологде существует с 1849 года, но именно под влиянием ссыльных революционеров он становится вологжанам нужнее и ближе. Живший в Вологде в начале нынешнего века А. В. Луначарский печатает рецензии на спектакли Вологодского театра, закладывая основы марксистской театральной критики... Мария Александровна и Мария Ильинич-

на в вологодский период живо интересовались театром.

Во всех этих фактах истории — разгадка того, что Вологда издавна считается одним из самых театральных городов России. И когда в «Лесе» А. Н. Островского Аркашка Счастливцев, повстречав на перекрестке дорог Геннадия Несчастливцева, сообщал ему: «Так вы в Вологду-с? Там теперь и трупы нет!» — он, видно, врал, бесталанный комик. Просто пришлось он Вологодскому театру не ко двору.

В Вологде не просто любят театр. Здесь идут на спектакль, как на праздник. Просторные, нарядные фойе, уютный зрительный зал, где нет «плохих» мест, заполняют нарядно одетые, празднично настроенные люди...

Сегодня немало говорится и пишется о «вологодской школе» применительно к прозе и поэзии; здесь на редкость сильная писательская организация: Виктор Астафьев, Василий Белов, Ольга Фокина — имена, известные всей стране и за ее пределами. Недавно в Москве в издательстве «Современник» вышел новый роман Белова «Кануны». Достать его в вологодских книжных магазинах было невозможно: книгу раскупили в течение нескольких часов. Не порывает связей с родным городом Сергей Видулов, известный поэт, главный редактор журнала «Наш современник». В дни нашего пребывания в Вологде в областной газете «Красный Север» мы прочли его новую поэму — «Дума о Родине». Не только в Вологде, но и в Москве и в других городах любители поэзии мгновенно раскупают стихотворные сборники не так давно умершего вологодского поэта Николая Рубцова...

Народный характер — вот, пожалуй, самая яркая отличительная черта сегодняшней вологодской литературной школы. И возникла она не на пустом месте. Она рождена духовной жизнью Вологды. Не только книги писателей-вологжан, но и вологодское старинное зодчество, и полотна местных художников, и гравюры Г. и Н. Бурмагиных, и кружева вологодских мастериц К. Исаковой, В. Веселовой, В. Ельфиной, В. Сибирцевой, Э. Хумалы, удостоенных Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина, — все несет на себе печать народной жизни, пронизано острым чувством Родины.

Любуешься вологодскими кружевами и вспоминаешь строки поэмы С. Видулова об «алмазах росинок» и «узорочье пушистых снегов...»

Потому так естественно, органически вписывается в духовную художественную жизнь Вологды ее областной театр драмы, что и его творчество пронизано все той же близостью родной земле, — оно запечатлевает и выражает коренные черты народной жизни.

Четыре года назад, подводя итоги гастролям Вологодского театра в Москве, критика назвала его театром народной темы. Такие спектакли, как «Отец и сын» Г. Маркова, «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Дороги, которые мы выбираем» М. Зарудного, «Хата с краю» М. Сторожевой, убедительно подтверждали справедливость подобной оценки. За время, минувшее с той поры, жизнь народа получила в репертуаре и спектаклях театра еще более глубокое, проникновенное исследование и воплощение.

Когда речь заходит о содружестве театров с мастерами прозы, имеются в виду инсценировки крупных прозаических полотен. При этом — при переводе прозаического произведения на язык сцены — бывают почти неизбежны серьезные потери. Куда плодотворнее побудить писателя написать оригинальную пьесу! Вологодский театр ныне идет именно по этому пути. Результаты такого сотрудничества выходят за рамки только сегодняшней работы. После пьесы «Над светлой водой» родилась новая пьеса Василия Белова «Районные

сцены» — смешная, горькая и поэтичная одновременно. Сейчас она репетируется в театре. Ольга Фокина, написавшая песню для спектакля «Черемуха» В. Астафьева, также собирается, как она сама сказала, написать пьесу для театра.

Спектакль «Над светлой водой» (режиссер В. Баронов) идет уже третий сезон, собирая полный зрительный зал: театр рассказывает о людях современной деревни поэтично и светло.

В пьесе три сюжетных линии. Первая связана со сложными взаимоотношениями молодых героев — Даши, Ивана и Георгия. Вторая говорит о душевной неустroенности в семье Полковника, отчима Георгия. Третья раскрывает конфликт Федора, отца Даши, с ее старшим братом Николаем, председателем колхоза: не хочет Федор перебираться на центральную усадьбу, покидая землю, где он родился, где похоронены отец и дед... В спектакле, как и в пьесе, все три линии взаимопроникают, образуя целостное сценическое повествование.

Среди актерского ансамбля хочется выделить работы мастеров старшего поколения. Обаятельный образ Трефены, матери Ивана, создает М. Щуко, открывая в своей героине, немолодой, не шибко грамотной деревенской женщине, огромную душевность, великое материнское сердце. Ни на йоту не грешит М. Щуко против правды, — она сдержанна во внешнем проявлении чувств, и от этого только сильнее эмоциональное воздействие образа Трефены на зрительный зал. На том же уровне работа В. Сафонова в роли Федора. Здесь тоже в обыкновенном, неприметном на первый взгляд человеке актер открывает необыкновенную душу, недюжинную натуру, силу патриотизма, ставшего сущностью человека.

Мне довелось видеть М. Щуко и В. Сафонова в спектаклях «Охота пуще неволи» Э. Володарского и «Всего два дня...» А. Грязева. Актеры и там как бы раздвигают рамки авторского материала, углубляют и укрупняют драматургические образы, развивая в своем творчестве принципы русской реалистической актерской школы, берущей свое начало от М. С. Щепкина и П. М. Садовского. Игра их безукоризненна в смысле продуманности, отборности всех необходимых деталей, подробностей, глубоко содержательна, эмоциональна: она позволяет говорить об идейно-философской концепции каждого образа.

В этой связи хочется упомянуть еще одного актера старшего поколения — И. Дворникова. Я видел его в трех эпизодических ролях: гражданина с портфелем в «Черемухе», дворецкого Отаво в «Собаке на сене» и председателя государственной комиссии в спектакле «Охота пуще неволи». Роли, что называется, «без ниточки», но каждый раз возникал на сцене конкретный, неповторяющийся характер, ощущалась биография героя, продуманная и проработанная актером.

Последние два сезона Вологодский театр возглавляет Л. Топчиев; один из ведущих актеров Московского Художественного театра, он оставил родную сцену и переехал в Вологду в качестве главного режиссера. Этому решению способствовало, видимо, то обстоятельство, что артист в течение пятнадцати лет вел преподавательскую работу в Государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского. Видимо, в силу этого же Л. Топчиев сразу нашел с коллективом общий язык; его взаимопониманию с труппой могут позавидовать многие опытные главные режиссеры: работа в театре проходит в атмосфере доброжелательства и уважения.

Я видел четыре спектакля Л. Топчиева: «Черемуха», «Собака на сене», «Всего два дня...», «Охота пуще неволи» — спектакли разной глубины, разного художественного уровня, но в

РАДУГА НАД

Сцена из спектакля «Черемуха».

«Над светлой водой».

Фото И. Гжельской

каждом из них прочитывается стремление режиссера к раскрытию серьезных, содержательных жизненных конфликтов, высокая постановочная культура, тщательная проработка сценических образов с актерами.

Всегда ли увенчивается успехом это стремление? Нет, не всегда. В спектакле «Всего два дня...» полному его осуществлению мешает слабость драматургии. Пьеса дробится на множество сюжетных линий; характеры большинства героев всего лишь намечены, но не прописаны; для инженера-технократа Иволгина, находящегося в центре событий, автор нашел только черную краску, подменив живой характер схемой. Театр многое сделал для того, чтобы придать сценическому повествованию целостный характер, укрупнить масштабы главного конфликта, сделать характеры героев содержательнее. И все же театр, видимо, в самом начале работы не проявил подлинной требовательности к автору, не помог А. Грязеву — человеку, безусловно, одаренному — устранить недостатки своего драматургического первенца. В результате интересный замысел драматурга, как и полезная инициатива театра, не дал желаемой победы.

В спектакле «Охота пуще неволи» режиссер акцентирует тему одержимости главного героя — летчика Некрасова — небом; соответственно этому декорация представляет как бы взлетную полосу, уходящую в глубину сцены. Замысел режиссера и художника А. Окуня понятен и благороден, но ведь пьеса-то о другом! Она исследует характер человека, уверовавшего в свою исключительность, в свое право ломать судьбы других людей. В итоге спектакль лишен внутренней целостности.

А вот ставя «Черемуху», Л. Топчиев и акте-

ры одержали по-настоящему значительный успех, открыв глубинные пласты пьесы, богатство ее нравственного содержания. «Черемуха», как и спектакль «Над светлой водой», поэтично и проникновенно рассказывает о наших современниках, о мужестве души. В центре спектакля — созданный молодой актрисой Л. Филипповой образ Нади, где сплавлены сила характера, душевная стойкость, теплая нежность. И если можно говорить о подвиге Степана, преодолевшего обрушившуюся на него беду — он потерял кисти обеих рук и выстоял (Е. Валуев знакомит нас с человеком незаурядным, энергичным, с характером внутренне оптимистическим), — то в не меньшей мере можно говорить и о подвиге Нади: без нее Степан, возможно, и не выдюжил бы. Образ Нади сливается в нашем сознании с образом той черемухи, что «растет» на просцениуме и отбрасывает на все происходящее свой поэтический свет.

Удачна и постановка «Собаки на сене». Режиссер отказался от какой бы то ни было «испанщины»: кастаньет, плясок и т. п. Раскрывая в написанной несколько веков назад комедии план семейно-бытовой, психологический, он без какого бы то ни было насилия над пьесой как бы приближает ее к нам, делает ее коллизии близкими и понятными для людей, сидящих в зрительном зале сегодня. Театр рассказывает о людях гордых, которые трудно отыскивают дорогу друг к другу. Очень мягко, правдиво играют этих людей С. Трубина (Диана) и Л. Рудой (Теодор), как и А. Наумов слугу Тристана, соединившего в конце концов влюбленных.

Важной чертой сегодняшней творческой жизни Вологодского театра является добро-

желательное и требовательное внимание его руководства и мастеров старшего поколения к молодежи. Играет молодежь много и, главное, интересно, решая сложные художественные задачи успешно. Я уже говорил о работах Л. Филипповой и С. Трубиной, Е. Валуева и Л. Рудого. К этим фамилиям хочется добавить хотя бы еще несколько: Л. Илюхова, А. Михасик, В. Илюхов, В. Павлов; каждый из них — интересная, перспективная творческая индивидуальность.

Похвалы, которые театр слышал во время московских гастролей, не вскружили ему голову; последние сезоны свидетельствуют о том, что он не только не сдал завоеванных позиций, а все больше расширяет плацдарм самостоятельного художественного поиска. Но все же хочется пожелать коллективу в первую очередь требовательности и к репертуару и к своим собственным творческим решениям.

Театр плодотворно разрабатывает тему морали, нравственных исканий советского человека — это хорошо, но этого мало. Хочется пожелать театру дальнейшего расширения и обогащения афиши за счет значительных произведений драматургии, посвященных революции, жизни народа.

Пожелания эти рождены не слабостью, а силой театра, верой в его большой творческий потенциал. Творческое лицо Вологодского театра неотделимо от всей сегодняшней духовной жизни города, где он работает. И, кстати сказать, огромное внимание уделяет еще самодеятельным коллективам, шефской работе на селе. Впрочем, это отдельная большая тема.

...В том же номере газеты «Красный Север», где опубликована поэма С. Викулова «Дума о Родине», помещены поэтические миниатюры молодого рабочего Владислава Кокорина. Есть там такие строки:

Прошу тебя:
Повесь над землей радугу..

Читая и перечитывая их сегодня, я думаю о семицветной радуге вологодской художественной жизни. О Вологодском драматическом театре, который обогащает эту радугу своими красками и оттенками...

ЗЕМЛЕЙ

Василий
ЗАХАРЧЕНКО

Куба всегда со мной

Куба,
Как кубок
У губ
Моря Карибского.
Пить ее хмель могу,
Не заискивая.
Пить
Ее солнечный дар
Опьяняющий.
Куба —
Пожар,
Озаряющий
Два полушария
Светом свободы.
Куба,
Сквозь годы
В памяти шарю я.
Воспоминания детства
Ты принесла,
И некуда деться
От их числа.
Куба,
В глаза твои,
В ясные очи
Гляжу,
как в заповедь,
Где все отточено.
И верю
В верность
Твоей удачи.
За дверь
Ветрено...
— Но как иначе?
Ты — на просторе.
Ты — омываема
Радостью,
Горем.
Незабываема,
Неисчерпаема
Новизной.
Куба
Всегда со мной.

МЫ РИСУЕМ ПОРТРЕТ ГИЛЬЕНА

Здравствуй, Николас,
мне не спится,
Мне не пишется —
весь промозгл.
Размышлений тупая спица
Сверлит мой распаленный мозг.
Слишком мало
стихов колючих.
Слишком многое —
на ура!
Одолела благополучья
Мелкотравчатая пора.
Розоватость — не наше время:
Шторм такой —
пополам дубыл..
Против зрелого мелкотемья
Протестуя,
встаю на дыбы.
Только мне
к чему бесноваться?
Есть на свете
твой строгий стих!

Из осколков ассоциаций
Тщусь твой памятник
возвести.
Может, я осмелел не в меру
Или струсил,
наоборот,
Но кричу:
— Заходи, мачетеро,
И наотмашь,
с размаху,
влет,
Как резцом,
ты своим мачете
Искрометный начни рассказ.
Образ Николаса-поэта
Должен выглядеть
без прикрас.
Как и он,
ты красот не ищешь —
Видел горя неупротив.
Из дремучего корневища
Вырубай
опаленный рот.
Эти грубые губы,
как трубы,—
Раз — ударом.
Вторым — вдогон...
Так в Сибири рубили срубы
Наши предки,
глота стон.
Но искусство пускай не боится
Голой правды
в голых руках:
Это кровь на губах —
не водица
Из-под сахарного тростника!
У ожившего корневища
Рыбаку уступаю права
Просоленной его ручищей
Оторочить лица овал.
Сколько раз
в путину вечернюю
Уходили с ним рыбаки...
Обведи
негритянской чернью
У бульдожьих скул желваки!
И не бойся —
в том нет позора —
Убедить, если сможешь, нас:
У поэта —
лицо боксера
После схватки.
В который раз!..
Гитарист,
подойди к портрету
И струной
дорисуй глаза!
Здесь, на Кубе,
я слышал где-то:
Может, век, может, два назад
Появились в фольклорных недрах
И взошли на холмы эстрад
«Очи черные» —
охас неграс,
Зазвучав на российский лад.
Так вложи эти «Очи»
в очи!
Сделай взгляд Гильену такой,
Чтоб вонзился,
как в небо прочерк
Самолетный, сверхзвуковой.
Чтоб сквозь стекла очков,
хитровато,

Затаившийся до поры,
Он глядел,
как в иллюминатор,
В неизведанные миры.
И тогда я
с предельной нежностью,
Наводя на рисунок лоск,
Покрываю Гильена
снежностью
Ослепительно белых волос.
Сколько радости,
сколько горя
В паутине той седины.
Снег
кавказского высокогорья —
На виски —
от моей страны!

СТАРИК И МОРЕ

Я знаю,
почему Хемингуэй
Из всех земных просторов
выбрал Кубу.
И, одержимый
страстью однолюба,
Он неизменно возвращался к ней.
И эту деревушку Кохемар —
Зеленый островок
в морских ручищах,—
Земной объехав шар,
он, как причал,
Наметил для последнего жилища.
Рыбачья пристань,
домик на холме.
В густом саду
торчит смешная вышка.
Ее жена воздвигла
от излишка
Забот о нем:
пусть пишет в тишине..
Но он сошел на землю по ступеням —
Туда,
где разбивается вода,
Где в крохотном порту —
рыбачье пенье,
Где человетья радость и беда.
Туда,
где пьют осатанелый ром,
Придя домой с богатого улова.
Где, как алмаз,
в толпе гранится слово.
Где счастье —
разговор вдесятером.
Туда,
где, как всегда,
накоротке
Он был с карибской
яростной водою —
Седой ребенок
с мудрою душою
И с лескою нейлоновой в руке.
Казалось,
что там?
Тоненькая нить?..
А вот связала с морем на века!
И уж ничто не в силах изменить
Устойчивой привычки
старика.
Старик и море —
просто, как стихи,
Как жизнь,
как столкновение стихий.

ДЕРЕВЕНСКОЕ РОДЕО

Национальной амазонке Кубы
Мерседес Перейро,

Оркестрик играет звонко.
И вдруг

предо мной,

как во сне —

Национальная амазонка
Со знаменем

на коне.

Перебирает копытцами
В яблоках жеребец.

Зрителям —

насладиться бы

Властительницей сердец.
Куда там...

По партитуре,

Трибунам наперерез
Летит в сумасшедшем аллюре
Красавица Мерседес.

Лицо от волненья зардело —
Ей открывать родео.

С конями срослись,

как кентавры, —

Грудью в распахнутый день —
Хватают победные лавры

Наездницы деревень.

Девчонки скроены ладно.

В сомбреро

и блеске шпор,

Гарцуют,

любого взглядом

Скашивая в упор.

Гляжу —

и меня укачало —

Час не прошел, поди.

Родео?

Только начало...

Родео еще впереди!

Еще предстоит оробело

Тебе лицезреть родео.

Гляди —

это спорт рукастых,

Действующих наверняка.

Мгновенье решает часто,

Кто

на рогах у быка.

Конь на дыбы...

Ты сбоку

Быка.

И как на врага —

Прыжком!

В стременах нет проку..

Уже вцепился в рога

И держишь,

не отпуская

Смертельные острия,

А бык —

он тебя таскает...

Сила нужна твоя,

Ловкость необходима —

Жилы,

как струны, рвут!

— А ну промахнешься?..

И мимо...

Под ноги —

на траву!

Теперь пригибай усиленно

К земле,

под крики трибун,

Осатанелую, взмыленную,

С лохматой звездой на лбу,

Голову.

Злую...

Бычьей...

Смирять бешенство в нем!

А ноги еще по обыкноу

Ноги связать ремнем...

А бык, понятное дело,

Сбить старается с ног...

Вот это и есть —

родео.

— Сознайся,

а ты бы смог?

...Эх мне бы,

разок хотя бы

Не в грезах,

а наяву

Вот так судьбу —

за рога бы —

Да под ноги — на траву!

Три поэмы объединил в своей новой книге «Русь всегда за нами» поэт Алексей Марков. «Ермак», «Михайло Ломоносов», «Звезды над головой» — произведения, которые близки между собой не только тематически, как обращение к ярким страницам прошлого. Роднит их нечто большее — обостренное, я бы сказала, чувство истории у современного поэта, его жадное стремление говорить о людях мужественных, преданных сынах Отечества. О Ермаке Тимофеевиче, славном воине-созидателе, с мечом в руке и плотником топором за поясом. О сыне поморского рыбака Михайле Ломоносове, дерзко доказавшем иноземцам,

Что может собственных

Платонов

И быстрых разумом Невтонов

Российская земля рождает.

В поэме «Звезды над головой» А. Марков обращается к образу отца советской космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского.

Разумеется, каждую поэму в книге «Русь всегда за нами» можно анализировать в отдельности, отмечая как сильные, так и слабые стороны. Мне кажется более важным оценить плоды многолетней напряжен-

Алексей Марков. Русь всегда за нами. М., «Современник», 1976, 188 стр.

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

ной работы А. Маркова в жанре эпической поэмы в целом, да и размеры этой заметки требуют именно такого подхода. Алексей Марков не историк — поэт. У поэта же, как известно, свои счеты с историей, поэт должен почувствовать, понять, уловить живую «связь времен».

В образах своих героев А. Марков сумел раскрыть типичные черты нашего народа: его свободолюбие, широту души, его великую привычку к труду. Ломоносов, Ермак, Циолковский — это высшее проявление национального русского духа. Кроме того, в характере этих героев поэт отмечает такие качества, как доброта, чуткость, человечность, неиссякаемая любовь к России и ее людям. В поэме «Ермак», например, есть очень хороший эпизод. После покорения Сибири товарищ отважного атамана одолевает сомнения — воевали, мол, сколько пережили, на смерть шли и вдруг отдать Сибирь за здорово живешь царю. Нахмурился Ермак Тимофеевич:

— Кто тут сказал о государе? Отчизне, людям на века Сибирь великую подарим!

Исторические поэмы А. Маркова обращены к современникам, к тем, кто сегодня строит прекрасные города в Сибири, дерзновенно проникает в тайны миров, взмывает к звездам. Они вызовут у читателя чувство гордости за свою Родину.

Валентин ЛЕВОЧКО

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

«Степь да степь кругом», — поет бархатный, сочный женский голос. И эта песня, такая знакомая и родная, захватывает слушателей. Слово исчезают стены зала, словно повеяло не обозримыми просторами земли русской... Дивный по красоте голос принадлежит совсем молодой, только еще обретающей известность певице Москонцерта Татьяне Синицыной.

Я спрашиваю ее, как она начала петь... Таня не помнит этого: песня будто родилась вместе с ней. Уроженка села Ермо-Николаевка на рязанской земле, Татьяна и сейчас не забывает те летние вечера в родном краю, когда солнце уже зашло, но еще светло, а воздух наполнен теплым ароматом прогретой за день земли, запахами трав и скошенного сена. На лугу, за околлицей собирается молодежь, и начинается песня, то грустная и нежная, то веселая, задорная, но всегда родная, самой душой народа сотворенная. Еще маленькая, Таня приходила сюда со своими старшими братьями и сестрами, и вскоре взрослые парни и девушки начали прислушиваться, когда пела эта девочка. Ее звонкий, детский, но необычайно сильный и выразительный голос как бы вел за собой всех, управлял сердцами.

Закончилось детство, и Татьяна попала в самодеятельность московской «Трехгорки», где стала работать. Затем училище Ипполитова-Иванова. И первая большая победа: Таня стала лауреатом Всероссийского конкурса исполнителей народной песни.

Татьяна Синицына исполняет разные по характеру песни. И видно, что особенно удаются ей лирические, грустные и ласковые мелодии. «Помню, я еще молоденькой была» звучит с такой просветленной грустью, что кажется — это не просто песня, а великолепно сыгранный драматический спектакль, хотя певица ничего не «играет», не подчеркивает, не делает даже никаких жестов. Прижав руки к груди, она живет в песне, живет песней. И это понятно. Русские народные песни сюжетны: в каждой из них живой, образный рассказ о жизни русского человека; в исполнении Татьяны Синицыной не перестаешь удивляться емкости и значительности этой жизни. Певица, выросшая среди просторов России, впитавшая в себя ее мудрость, стремится подарить слушателям красоту народной песни, сделать своих слушателей духовно богаче.

В гостях у «Огонька» Т. Синицына побывала вместе со своими коллегами, артистами Москонцерта Э. Трейвас, В. Мамонтовым и конфрансье З. Адаскиным.

А. ЗВЯГИНА

Фото М. Савина

В вычислительном центре института.

Сквозь... «льды».

ДЛЯ ТЕХ, КТО В МО

В

каждом из нас до седых волос живет подросток, увлекавшийся путешествиями отважных капитанов. Но романтика странствий по волнам, все равно в каких водах: в сияющей лазури моря Средиземного или в хмурой свинцовости Атлантики, — вмещает в себя и штормы, грозящие кораблю гибелью. И в наших душах всегда находят живейший отклик злключения судна, терпящего бедствие вдали от родных берегов. А нельзя ли помочь морякам именно с родного берега, из какой-нибудь научной лаборатории?

...В Калининграде, на тихой улице, работают люди, посвятившие себя морю. Здесь находится технический институт рыбной промышленности и хозяйства. Студенты получают там специальности, связанные с рыбным промыслом. И есть здесь кафедра теории корабля.

Сотрудники лаборатории при кафедре ныне проверяют и испытывают на моделях все рыболовные суда, создающиеся у нас.

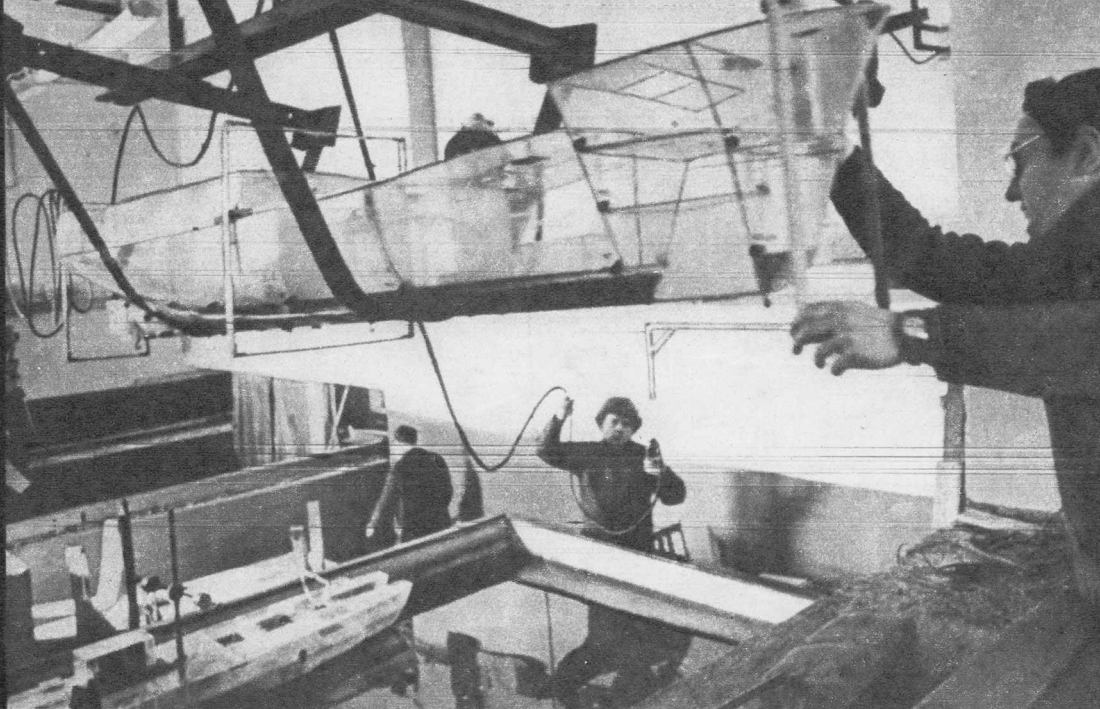
Все эти модели, изготовленные в одну тридцатую часть от истинных размеров корабля, бороздят волны длинного и узкого лабораторного бассейна. Над ним поднята площадка, где в окружении приборов располагаются испытатели. По бортам водоема проложены рельсы, а по ним скользит тележка, влекущая модель. Здесь и определяют реакцию на высоту волны, силу ветра, качку — даже при девятибалльном шторме, выясняют возможность опрокидывания судна.

Когда рыбаки в море терпят бедствие, они связываются с лабораторией, и срочно организуется аварийная группа, которая направляет действия капитана.

...Глубокой ночью руководителя кафедры, профессора Никиту Борисовича Севостьянова разбудил телефон: беда — в Атлантике столкнулись два судна, советское и иностранное. У нашего «Славска» в левом борту пробоина. В лаборатории тут же образовали группу, которой предстояло срочно анализировать положение. На воду бассейна спустили сделанную из оргстекла, а потому прозрачную, модель судна типа «Тропик» — именно к нему принадлежит «Славск». Отверстия в корпусе модели позволяют затопить любой отсек. Открыли нужное отверстие и увидели, как вода хлынула в машинное отделение и в туннель гребного вала... Пятнадцать задач решили за короткое время ученые, чтобы спасти судно. И быстро сообщили рекомендации на «Славск».

После этого опыта было решено завести здесь целый парк моделей, на которых можно было бы в любой момент проигрывать ту или иную ситуацию. И теперь в течение максимум трех часов может быть воспроизведена тяжелейшая авария и даны рекомендации.

Ученые остаются учеными. Помощь в каждом конкретном случае — это, конечно, хорошо, только еще лучше создать общую рекомендацию для экипажей, которой они руководствовались бы при бедствиях в море. Когда кафедра проанализировала документы, имеющиеся у капитанов, выяснилось, что четкой инструкции для

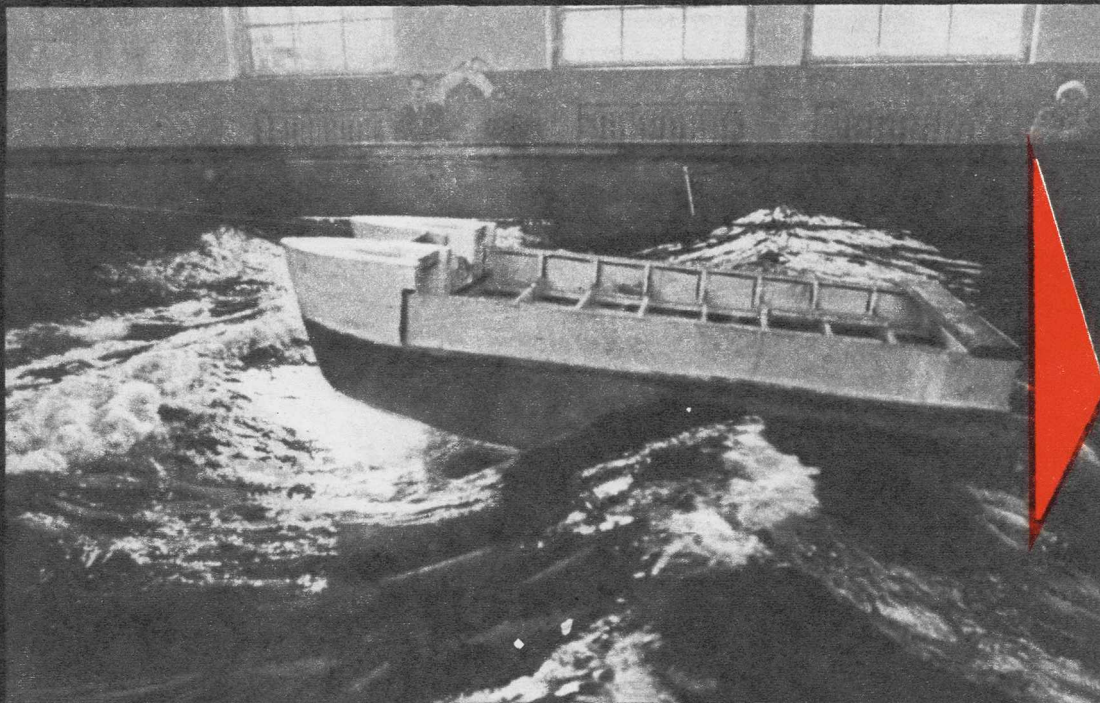

Спуск на воду.

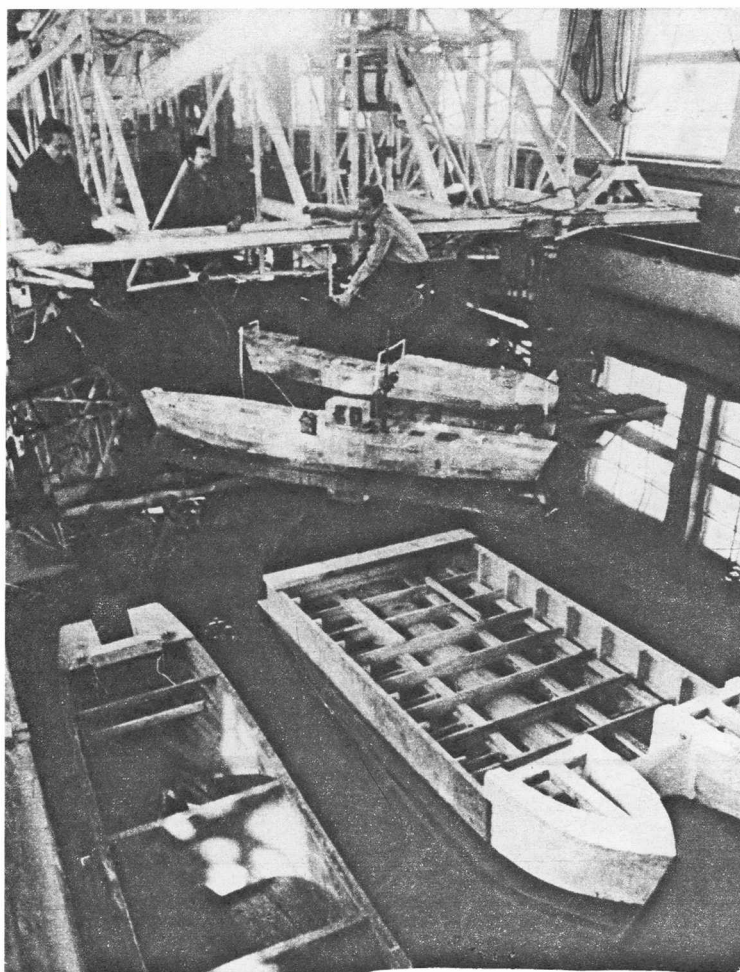

Профессор Никита Борисович Севостьянов.

Модель катамарана испытывается при «девятибалльном шторме».

Так делают модель.

На судне «Прометей»: капитан С. Г. Николашин и сотрудники лаборатории кандидаты технических наук И. А. Ярков и Ю. Л. Маков.

аварийных случаев капитаны не имеют. И ученые создали эту инструкцию: для каждого типа судов разработана так называемая экспресс-информация, все содержание которой умещается на нескольких машинописных страницах. Таков зримый результат анализов и опытов, проведенных с помощью корабликов в бассейне. Теперь ни один «рыболов» не может выйти в море без экспресс-информации. Она стала верной помощницей капитанов. С ее помощью можно оперативно рассчитать поведение корабля при любой погоде и при любой загрузке: ведь у рыбаков в отличие от транспортников постоянной загрузки не бывает.

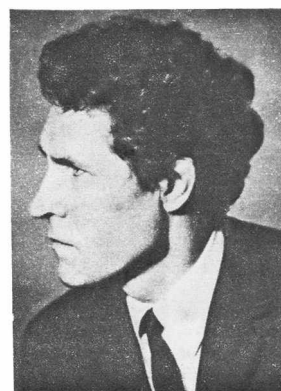
Круг забот лаборатории широк и многообразен. Помогают здесь создать судно, способное снимать нефтяную пленку с воды; док-камеру для ремонта рыболовных кораблей прямо в море: в ней разместится при надобности сразу несколько судов. Ведут исследователи еще одну интереснейшую работу, ее цель — помочь уже не рыбакам, а самой рыбе. Все наши крупные реки перекрыты плотинами. Многие из них преграждают путь косякам, идущим на нерест. Правда, для этого массового прохода в плотинах предусмотрены отверстия, но полностью проблемы они не решают. Калининградский институт занялся созданием модели судна для перевозки рыбы. Гигантский аквариум на собственном ходу — с проточной водой и всем прочим, что нужно взыскательным пассажирам, — будет переправляться через плотину на судоподъемниках.

Планы, замыслы... Их очень много у лаборатории, где трудятся люди, одержимые любовью к морю. Похоже, и ночью можно заставить в институте кандидатов технических наук — заместителя заведующего кафедрой Игоря Алексеевича Яркова и доцента Юрия Леонидовича Макова. А сам заведующий — доктор технических наук, профессор Никита Борисович Севостьянов? Долго был путь Севостьянова — внука архангельского рыбака и сына моряка — сюда, в Калининград. Пролет этот путь через войну. Из школы в Туруханске райком комсомола направил юношу в ФЗО, где готовили лодочников и бондарей, а в 1942 году — фронт. Начал воевать будущий ученый в Гжатске, кончил в Праге. Был танкистом, штурмовал Кенигсберг, Берлин, был ранен. После войны размышлений о выборе гражданской профессии не было: ему годилось только то, что связано с морем. Поступил на судостроительный факультет. Потом аспирантура и — бывает же так в жизни! — тот самый Калининград, который навсегда запомнился ему в огне битвы... А теперь это мирный красивый город, и в нем мирная любимая работа. Но почему же именно «рыболовам» посвятил себя Никита Борисович? Сам профессор объясняет свое пристрастие к этим судам тем обстоятельством, что их труднее проектировать: они ведь ходят не выверенным, затверженным курсом, а рыскают по всему морю в поисках добычи. Приходится плавать и на стыке теплых и холодных вод, а там всего опаснее: нигде не бывает столько штормов и туманов. И вообще рыбаки заняты исконным мужским делом: они ловцы, добычники, они постоянно в поиске, в охоте. А потому создавать суда для них... ну как бы сказать? Есть в этом что-то доподлинно романтическое. И Севостьянов мечтает спроектировать «рыболов», который и нарочно не затопишь.

Чтобы эта мечта, как и другие замыслы профессора и его коллег, стала явью, в Калининграде, в крохотном море на улице Баранова, борются со штормами, получают пробойны, терпят бедствие крохотные кораблики. И внимательно следят за их игрушечной жизнью серьезные, взрослые люди, занятые совсем не игрушечным делом — разработкой теории новых промысловых кораблей.

Н. ВЕРИНА

Борис ОРЛОВ

*Родной
раздолье*

Галстук сброшен, расстегнут ворот —
Мимо серых, бетонных громад
Еду я

далеко,
за город,
Слушать песни
сельских девчат.

Вот они
запоют вполголоса,
И вздохнет
Полной грудью степь...
Ветер бросит на лоб мне волосы
И пригнет
Белой яблони ветвь.
В сердце — нежность...
И думы одни лишь —
О былом
И о том, что грядет...
Что задумано —
Все осилишь
И заглянешь намного вперед,
Удивись
родному раздолью,
А когда забежишь в избу,
Напоенную светом
И новью,
Вновь крестьянина вспомнишь
судьбу:

Как он шел сквозь века
За сохою...
И поймешь,
Что для радостных мук
Проплывает луна
голубою
И не сходят мозоли с рук.

Все мысли — о тебе...
И ты
Мне представляешься
Все тою,
С которой я
не знал покоя,
Вверяя все свои мечты.
С тобой
и тяжесть рюкзака
Казалась мне в пути
с пушинку...
С тобой
Знакомую тропинку
Я находил наверняка.

Е. Моисеенко. Род. 1916. 9 МАЯ. ДЕНЬ ПОБЕДЫ. 1975.

Ю. Непринцев. Род. 1909. СНОВА СОЛНЦЕ. 1964.

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В субботу он проводил Анастасию в вестибюль и мгновенно исчез в толпе празднично разодетых людей, которых незримые силы любопытства и беспечности толкали туда и сюда, людей странно одинаковых: чем-то страшно сходных меж собой, а чем именно — не поймешь. Но через минуту Анастасия тоже стала похожей на всех, как бы посмотрела на себя со стороны, увидела, как стоит, подняв лицо, уставившись в огромное белое полотно, закрывавшее чуть ли не половину просторного вестибюля, и все, кто там был, так же всматривались в полотнище, только они смеялись открыто или тайком, а у нее от негодования и неожиданности сдавило спазмом горло.

На полотнище был черно наляпанный шаржированный портрет Карналя. Карналь, с прицепленной кудлатой бородой, огромными ножницами стрижет такого же кудлатого, как и его борода, барана, и шерсть, падая вниз, образует надпись: «Обкарнай барана и стриги кибернетику!»

Еще ниже большая черная рука указывала пальцем куда-то вправо, и снова всеобщая сила одинаковости заставила Анастасию повернуть голову туда, куда указывала нарисованная рука, и взглядом она уперлась в новое полотнище, правда, наименее, с предостережением: «У нас смеются только на первом этаже!»

Она пошла туда, куда шли все, переходы между корпусами были заполнены людьми почти до отказа, более всего толпилось у стен, на которых от потолка до пола было повешено множество шаржей, призывов, объявле-

Через несколько метров милостивое разрешение:

«Дышите!»

Еще через несколько метров:

«Глубже!»

«Еще глубже!»

«Как можно глубже!»

«Полной грудью!»

И огромными буквами: «Облегчайте себе душу смехом!»

Смех господствовал тут безраздельно — беззаботный, раскатыстый, преимущественно беззлобный, порой донимающий, особенно когда про академика Карналя, которому, пожалуй, доставалось больше всех, на всех уровнях, по поводу и без повода, заслуженно и незаслуженно. «Будь милосердным и найдешь свое место в жизни!» — это не касалось никого персонально, поэтому воспринималось с таким же веселым равнодушием, как призыв: «Создавай барьеры, чтобы было что преодолевать!» — или оптимистическое пророчество: «Человек выстоит даже перед НТР!»

Дальше вся стена была зарисована жанровыми картинками на тему: «Кибернетик тоже человек. Он ходит по Киеву с авоськой, не может достать шины для «Жигулей» и стоит в очереди на квартиру, ибо лучше не иметь квартиры, но иметь надежды, чем, имея квартиру, уже ни на что не надеяться».

Но это было как бы предыдущей, своеобразной разрядкой перед новым ударом по руководителю объединения. Знакомая уже нарисованная рука с указующим перстом появлялась то где-то внизу, то аж под потолком, вела все дальше и дальше, потом неожиданно перевернулась, показала вниз, велела красной разляпанной надписью: «Копать здесь!» А ниже: «Склад идей, пригодных для диссертаций — прикасающийся к науке. Ключи у товарища Кучмиенко!»

К Кучмиенко было лишь первое прикосновение. Дальше снова общее: «Пользуйтесь плодами НТР!» Чье-то стыдливое признание: «Работа не нравится, но привлекает зарплатой!»

Снова побежала по стенам рука с указующим перстом и призывы: «Читай! Изучай! Запоминай!»

И на голубом полотнище — «Афоризмы академика Карналя»:

«Все неизвестное должно стать известным».

АНАСТАСИЯ

ний, причудливых диаграмм, какие-то парни трусцой подносили новые и новые рулоны ватмана, что-то прищипывали, приклеивали, подмалевывали, как будто мало было написанного и намалеванного прежде, будто боялись они, что в этот день мало обыкновенного смеха, нужен хохот, нужно веселье, неудержимое, беспредельное, всеочищающее.

«Не останавливайся на достигнутом, даже если не имеешь никаких достижений!» — это попереки перехода. Дальше на красном фанерном щите предупреждение:

«Здесь отдается преимущество требованиям техники перед человеческими потребностями!»

Запрещается:
лезть на рожон,
плывать против ветра,
заслонять солнце,
возражать академику Карналю!

Пенсионерам: не разговаривать и не кашлять!

Красным следопытам: не играть на дуде!
Всем: не дышать!»

Окончание. См. «Огонек» №№ 15—18

тиосел. На беспредельных панно был изображен шуточный парад кибернетиков, командовал которым Карналь верхом на баране, принимал парад маршал кибернетики Глушков.

Анастасия уже потеряла счет времени, пути ее передвижений определялись векторными силами людских потоков, ее подхватывало течение и несло куда-то, не давая возможности ни остановиться, ни посмотреть, ни почитать все, что было понаписано в самых невозможных местах, то попадала она в тупик и вынуждена была выстаивать в дикой давке, вперившись в какую-нибудь не слишком удачную остроу вроде: «Меняю правое полушарие мозга на левое — источник абстрактного познания» или «Тут проводится зарядка аккумуляторов и нервной системы». А потом бросало ее в водовороты, в галереи смеха, подначек, иронических упражнений, и Анастасия, чувствуя, что от улыбок в одиночку у нее уже болит лицо, читала смешные объявления о том, что отдел сбыта по доступным ценам реализует бывшие в употреблении лавровые венки, что студия звукозаписи выдает напрокат пленки с записью бурных аплодисментов ораторам-неудачникам, завком распространяет беспроигрышную лотерею для получения прогрессивки и выдает бесплатно всем лодырям бездымные сигареты для перекуров в рабочее время. Отдел Кучмиенко заявлял о своей готовности купить в неограниченных количествах насосы для дутых авторитетов, а отдел снабжения готов был приобрести известной всем соли для посыпания на хвост смежникам, срывающим поставки.

Бюро добрых услуг обещало дать советы о том, как подготовиться к выходу на пенсию, где раздобыть джинсы, как пережить напряженное время между авансом и зарплатой, как научиться несвоевременно принимать ненужные меры.

Теперь Анастасия читала уже мелочи, какие не успела схватить при первом ознакомлении: «Объявляется конкурс на лучшую научную работу по установлению границы безнаказанности за зигзаги в мыслях».

«Лучше машина без кибернетики, чем кибернетик без головы».

«Меняем дурака с ЭВМ на мудреца без машины».

«Картины, ковры, цветные телевизоры и импортные магнитофоны, приобретенные на об-

щественные средства, просим сдавать на сохранение группам народного контроля».

Кажется, о Карнале забыли, и Анастасия могла вздохнуть свободнее. Но вдруг: «Покупаем нарядно-изысканные высказывания для бесед с академиком Карналем».

А между нею и тем бездарным плакатиком, окруженный смеющимися мужчинами и женщинами, Петр Андреевич Карналь, тоже читает и тоже смеется, как будто речь идет о ком-то постороннем. От такого можно бы и застонать, но как тут застонешь!

Если бы она знала, что встретится здесь с Карналем! Не пошла бы сюда ни за что! Но Алексей Кириллович сказал, что академик посмотрел на все с утра, а после обеда сюда уже не придет, потому что должен проводить шутивную «научную конференцию», ироничный диспут, где ораторов, которые в продолжение первых двух минут не вызывают смеха в зале, лишают слова. Попасть на такую «конференцию» тоже хотелось, но встретиться с Карналем она не решалась. Был для нее неприступнее высочайших горных вершин. Только издали, только ослепляет глаза. Человек для расстояний.

А теперь стояла перед ним, чуть не касаясь его грудью, ненавидя свою женскую плоть, ненужную и неуместную округлость, все то, чем положено гордиться и что тут должно было стать смешной тщетою, сплошным расстройством. У Анастасии уже давно выработалась привычка держать голову чуть наклоненной, как будто слишком длинная шея не могла удержать голову и она перевешивала. Короткая прическа еще сильнее подчеркивала этот небрежный, даже дерзкий наклон; если смотреть сбоку, то впечатление было такое, будто несет Анастасия голову виновато (бывший муж в своих алкогольных шутках называл еще: подставляет голову под гильотину), спереди же в упорном наклоне головы, в остром взгляде исподлобья прочитывалась всегда неуступчивость и своеобразная женская отвага. И хотя теперь, очутившись перед Карналем, Анастасия по своей привычке так же упрямо наставляла на него чуть наклоненную голову, но ни отваги, ни неуступчивости не имела в себе ни капли, чувствовала себя маленькой школьницей перед строгим учителем, готова была провалиться сквозь землю, если бы не шутовское предостережение среди сотен висевших на стенах иронических сентенций: «Если и захочешь перед начальством провалиться сквозь землю, то проваливайся лишь тогда, когда руководствуешься научными целями!»

Карналь мог покарать ее немедленно, мог поиздеваться перед всеми, выставив Анастасию в роли белой вороны. Нарушено его строгое правило не допускать ни одного постороннего человека на сороковую субботу, да еще и нарушено опять этой надоедливой журналисткой, которая попадалась на его пути в самые неподходящие минуты. Мгновение молчания, неловкости, смущения для обоих могло бы показаться угнетающе-бескомпромиссным, но каждый знал лишь о себе, о другом думалось иначе, и то, что сделал Карналь, для Анастасии было такой же неожиданностью, как и встреча здесь с ним после пылких заверений Алексея Кирилловича об абсолютной невозможности такой встречи.

— А-а,— как будто обрадовавшись, что нашел то, чего никак не мог найти, сказал приветливо Карналь, шагнул к Анастасии, по-дружески взял ее за локоть и повел от тех, кто его окружал.

— Простите,— тихо сказала Анастасия.

— Оставьте. Это ни к чему. Я даже не стану допытываться, кто вас сюда привел, потому что это не меняет сути дела.

Он вел ее быстро, люди расступались перед ними, но все равно уединиться тут никто бы не сумел, даже знаменитый Диоген, который в толпе чувствовал себя самым одиноким, ибо окружали его глупцы, тут же глупцы, по всем признакам, не было, а если и были, то в слишком мизерных количествах. Карналь направился к лестнице на второй этаж производственного корпуса, там было просторно, люди оставались внизу, внизу оставалась сороковая суббота кибернетиков, оставался смех.

— У вас же смеются только на первом этаже,— набираясь смелости, напомнила Анастасия.

— Добавьте: на первом этаже обещают, на верхних — осуществляют обещания.

— Обещания?

— Ну, это я так, к слову. Вообще же смех на первом этаже, чтобы никому не мешать.

— Кому же? Выходной.

— Для кого выходной, а для кого и нет... Есть люди, которые вообще не знают ни выходных, ни праздников, у них рабочий день — вся жизнь. Слыхали о таких?

— Приходилось. Но, Петр Андреевич, как вы можете допускать?

— Что именно? Вас на сороковую субботу?

— Это же не вы. Но то, как с вами там внизу... на первом этаже... Все эти шуточки...

— Юмор — это посланник правды. Смеха боятся только глупцы. Можете поверить: ко мне уже прибегал с протестом Кучмиенко. Оскорбился, что его назначили директором мучного института. А виноват сам. Когда-то имел неосторожность брякнуть, что может возглавить что угодно, даже Одесский мучной институт.

— Разве есть такой?

— Есть или нет, разве не все равно. Слово вылетело, остряки поймали.

Он продолжал держать ее за локоть. Это воспринималось так естественно, будто они

давние друзья; шли длинным коридором, который освещался лампами дневного света, деловая беседа деловых людей, ничем не разделенных, давно знакомых.

— По обеим сторонам у нас здесь помещения для сотрудников, а дальше по периметру — цехи. Я хотел бы вам кое-что показать. Уж коли вы здесь, то...

— Вы не сердитесь на меня за мое нахальное вторжение, Петр Андреевич?

— Сердиться? Возможно, возможно... А на самом деле... Знаете, у меня какое-то непередаваемое чувство... Признательность? Именно так. Я признателен вам.

Она испугалась и даже дернула локоть, чтобы высвободиться. Карналь не держал ее, и она обескураженно заглянула ему в глаза.

— За что, Петр Андреевич?

Он снова нашел ее локоть, притронулся к нему почти машинально, не то обращался к ней, не то думал вслух:

— Да, да... Вот уже несколько месяцев, наверное, самых тяжелых в моей жизни месяцев, я постоянно ощущаю чье-то присутствие, чье-то внимание, что-то неизъяснимое, будто радостные зарницы из-за темного горизонта... Может, это ваше присутствие, Анастасия?

— Но ведь я...

— Неприступное присутствие, хотите сказать? Согласен... Я и сам не обращал внимания... Но увидел вас тогда у моря...

— Петр Андреевич,— Анастасия отскочила от него перепуганная, охваченная ужасом,— Петр Андреевич, вы никогда не сможете простить! Я...

Он не слушал ее, может, вообще в эту минуту не способен был слушать кого-либо, ему нужно было выговориться самому, впервые за много месяцев выговориться, сказать такое, чего не позволял самому себе даже в мыслях.

— Потом ваша телеграмма. Она поразила меня одним словом, сути которого я не могу знать и не хочу, но... Теперь вы здесь, в нарушение всех наших обычаев и законов, но я благодарен вам...

Он чувствовал какую-то нервную потребность открыть перед этой молодой женщиной, что-то, чего ни перед кем бы не открыл никогда, ибо, если быть откровенным до конца, касалось все это не кого-то, а именно этой женщины!

Коридор не имел конца. Узкий, какой-то тесный и темный, несмотря на многочисленные дневные светильники, Анастасия металась от стены к стене, ломано пересекала прямой путь Карналя, то приближалась к нему, то отшатывалась от него, и далекие взблески в ее темных глазах то исчезали для Карналя, то приближались на расстояние почти опасное. Петр Андреевич, пугаясь неосознанно уже того, что он только что сказал этой женщине, в то же время ощущал почти болезненную потребность говорить еще и еще, сказать как можно больше, предостеречь не то самого себя, не то Анастасию (почему именно Анастасию, не мог бы еще сказать), что самое страшное — это деградация человеческого сердца, а она неминуемо наступает, когда... Сплошная стена неожиданно закончилась широким двусторонним проходом к цехам. Карналь, жестом пригласив Анастасию, повел ее налево.

«По периметру — цехи», — сказал перед этим Карналь. Никогда бы не подумала Анастасия, что за будничным «по периметру» может скрываться такой светлый, почти храмовый простор, гармонично расчлененный могучими бетонными колоннами, сплошь увешанными, как и внизу, на первом этаже, плакатами, призывами, дружескими шаржами, диаграммами, на первый взгляд казалась, что и тут продолжается веселый карнавал острот, иронии, впечатление усиливалось еще и тем, что цех во всю длину имел как бы два этажа: нижний, по которому шли Карналь с Анастасией, и верхний, нечто вроде театральных подмостков, деревянный настил, натертый желтой мастикой, отполированный до блеска, местами прорезанный так, чтобы выпустить из-под себя то механические подъемники, то шланги со сжатым воздухом, то подводки кабелей. Ничего похожего на электронные машины нигде Анастасия не видела, одни только беспорядочно разбросанные внутренности машин, блоки пласт с интегральными схемами, химерические сплетенные косы из розово-желто-зеленых проводов то бессильно свисали над помо-

стом, то лежали на нем целыми грудями, то подключены были к каким-то устройствам, около которых сидели девушки в белых халатиках, что-то помечая в длинных блокнотах, не обращая ни малейшего внимания на появление в цехе Карналя.

Среди этой неразберихи прохаживалось несколько молодых людей — в расхристанных белых рубашках, со сдвинутыми в сторону галстуками, кстати, яркими, как у Карналя, еще несколько сидело, согнувшись над тем, что когда-то, наверное, будет вычислительной машиной, впечатление было такое, будто эти люди либо придуриваются, либо разыгрывают озабоченность, либо попросту бьют здесь баклуши, удрав из дому от сварливых жен или злых тещ.

— Что они делают? — тихо спросила Анастасия у Карналя.

— Колдуют.

— Не понимаю вас, Петр Андреевич.

— Вот поглядите.

Он показал на полотнище, протянутое между двумя колоннами под высоченным потолком: «Тысяча тридцатая — наш подарок XXV съезду!»

Новая машина, — объяснил Карналь. — Незапланированная, без ассигнований, без материалов, без ничего.

— Как же?

— Человеческий гений и внутренние резервы. Слышали о таком? Для журналистов не новость, надеюсь.

— Но машину из ничего?

— А из чего человеческая мысль?

Он прыгнул по-мальчишески на помост, под руку Анастасии, помог ей подняться, повел между колоннами, им навстречу откуда-то вывернулся встрепанный Юрий Кучмиенко, замер в театральному удивлению:

— Петр Андреевич, кого это вы привели на нашу так называемую голову?

— Вы, кажется, знакомы? — удивляя Анастасию, ответил Карналь.

— И даже близко! — пожимая руку Анастасии, весело шумел Юрий.

Подождал какой-то лобастый, хищноглазый, почти враждебно покосился на Анастасию. Карналь спокойно сказал:

— Знакомьтесь. Анастасия Порфирьевна. Со мной.

— Гальцев, — не слишком приветливо назвал хищноглазый.

— Как дела? — поинтересовался Карналь.

— Идут.

— Наладчики не мешают?

Гальцев наконец сбросил с себя суровость, улыбнулся.

— Мешаем мы им.

Юрий крутился возле них, ему не терпелось встрять в разговор, наконец поймал паузу, мгновенно вскочил в нее.

— Почему вы не спрашиваете о главном, Петр Андреевич?

— А что же главное? Главное — тысяча тридцатая. Спрашивать о ней? Все знаю. Жду, когда оживет.

— Да нет, так называемое главное, ради которого сюда пришли вы с Анастасией!

— Мы случайно. — Анастасия никак не могла понять, к чему ведет Кучмиенко.

— Случайность — это хорошо замаскированная закономерность! — захохотал тот. — А Совинский?

— Кстати, — полюбопытствовал Карналь. — Как он здесь?

— С бригадирства меня еще не спихнул. Отложил до удобного случая. В наладке у него не идет. Утратил нерв. Говорит: как будто молотком по голове стукнуло. А стукнутых мы на вспомогательные операции. Ивана откомандировали зажигать сигареты товарищу Гальцеву. Потому что у одного не хватает времени даже зажигалку вынуть, а у другого времени — хоть греблю гати!... Совинский! — закричал он внезапно. — Огня товарищу Гальцеву!

Совинский выглянул из-за соседней колонны, в одной руке держал отвертку, в зубах — что-то блестящее, никак не похоже было, что носит он зажигалку за кем-либо, об этом свидетельствовал и его недвусмысленный жест: крепко стиснутый кулачище, угрожающий Юрию.

Но тут Совинский увидел Карналя и Анастасию, а может, прежде всего Анастасию, блестящую деталь он то ли потерял, то ли мгновенно выплюнул изо рта, отвертку упустил на

помост, выпрямился во весь свой рост и, глухо бухая в гулкое дерево толстыми подошвами, подошел к гостям...

— Так замкнулся круг,— пошутил Карналь,— от Приднепровска до цеха наладки. Там мы были вдвоем, теперь здесь.

— Я уже знала про Совинского,— тихо сказала Анастасия.

— Можете написать о нем и вообще о наладчиках.— Карналь сделал вид, будто отступает в сторону: дает возможность словно бы вот здесь, сразу, присесть и написать про доблестный труд передовиков, которые овладели и достигли...

— А что тут писать? — буркнул Совинский, пряча от Анастасии глаза.

— Совинский прав: у меня не было намерения ни о чем писать. Особенно об этой работе, так сказать, неуловимой, что ли. Она не укладывается ни в какие привычные категории, передать словами ее, пожалуй, вообще невозможно, не обижая наладчиков.

— А какой труд подходит для передачи словами? — любопытствовал Гальцев.

— Доблестный! — вырвался Юрий.

Анастасия взглядом поискала защиты у Карналя. Сегодня она была не в силах состязаться с кем-либо, тем более с такими людьми, как здесь.

— Великие художники,— сказала она,— только великие художники в состоянии найти соответствующие средства для...

— Но не для бесплодных описаний тех или иных трудовых операций,— вмешался Карналь,— а только чтобы передать состояние человека в процессе труда и созидания. Его настроение, его размышления, его энтузиазм,

возможно, даже его усталость, ибо усталость бывает прекрасна...

— Не обо всех можно написать,— упрямо повторила Анастасия,— о знакомых, наверное, вообще невозможно... Например, о Совинском я бы не стала... Он знает об этом.

— Да,— согласился Совинский.

— Хотя виноват тут не он, а я...

Никто ничего не понимал, Гальцев показал жестом Юрию, чтобы он потихоньку ушел, сам он тоже, молча поклонившись, пошел по делам, Совинский еще какое-то время неуклюже стоял столбом перед Анастасией, пока Карналь легонько не подтолкнул его в плечо.

— Желаю успеха,— сказал добродушно.— Входи в ритм, находи нерв...

— Ищу,— вздохнул Совинский,— хотя это и не имеет столь большого значения.

— Все имеет значение, все имеет...

Они пошли дальше, Карналь вполголоса объяснял Анастасии, что и как делают наладчики, а она невольно прислушивалась к словам за спиной.

— Совинский,— весело воскликнул Юрий,— катая на улице, постой, оглядись по сторонам!

— И что? — добродушно любопытствовал Совинский.

— Как увидишь, что никого нет, подними руку и махни! Сам знаешь, на что махнуть.

Что ответил Совинский, Анастасия не слышала, потому что попросила Карналя:

— Может, не будем больше мешать? Мне неудобно в такой роли.

— Считайте, что не я вас, а вы меня сопровождаете,— успокоил ее Карналь.

— Этот лобастый... Как его?

— Гальцев?

— Он и вас невзлюбит за то, что вы привели меня сюда в столь неподходящий момент...

— Невзлюбит? А разве мужчины должны любить друг друга? Только понимание. Чем выше, тем лучше. У нас с Гальцевым, по крайней мере мое такое убеждение, взаимопонимание достигло почти идеала. Мы с ним одинаково чувствуем трагичность отставания человеческой интеллигентности по отношению к интеллигентности, которой обладает материя. Слово «интеллигентность» я употребляю в широком понимании. Как разум. Отсюда спазматическая торопливость в улавливании перемен, всего нового в нашей работе. Свободное время, все так называемые выходные для нас уже давно перестали существовать, не все могут выдержать, возникает иногда множество бытовых трагедий, но не для нас с Гальцевым, ибо мы живем в каком-то высокоорганизованном мире гармонии, что может напоминать, к примеру, совершенную гармонию Баха. Мы ежегодно делаем новые, все более усовершенствованные машины, задачи которых организация времени, этой неуловимой и до сих пор еще не познанной до конца сущности. У Гальцева дерзкое намерение: использовать самое время как строительный материал, почти устранив технику, исчерпав ее возможности, сделать ее незаметной, несущественной, перевести уже и не в разряд, например, биологических систем, а в категории онтологические.

— А вы утверждали, что нельзя описать труд ваших людей! А сами показываете, как это надо делать.

Карналь засмеялся.

— Период пропагандизма закончился. Настало время громких разочарований. Просто нуж-

но каждый день давать новую технику. А моя вспышка? Когда человеческое воображение хочет наделять что-то особенно щедро, тогда возникает множество слов для определения той вещи. Об Адаме все знают, что он вкусил запретного плода. И никто не вспоминает, что главной его задачей, полученной от высшей силы, было давать названия вещам. Даже сегодня не каждый может быть Адамом.

— Так же как женщина — Евой?

— Возможно. Но разрешите считать вас все-таки Евой...

Он бережно свел Анастасию вниз, снова очутились они в длинном коридоре. Вот он кончится, сойдут они по широким ступенькам на первый этаж, окружают их люди, заберут Карналя к себе, и ничего не успеет она ему сказать, не сможет исповедаться и попросить прощения, покаяться.

— Петр Андреевич...

— Я вас слушаю, Анастасия...

— Не надо меня слушать! Если бы вы только знали! Если бы вы...

— Не имею таких прав. Все ваше ваше... Что я для вас? Только эпизод, случайное знакомство, миллионный шанс, непредвиденность... Для меня это другое дело...

— У меня... — Она не смогла говорить, только смотрела на него, и он, приняв ее состояние, остановился, погладил ее руку.

— Очевидно, у вас тоже что-то тяжелое произошло в жизни... О вашем отце я знаю... Может, именно наши несчастья... Но я не имею права... Сказать, что и для счастья нужно иметь несчастье, — не слишком ли? Могу открыть вам тайну. Все считают меня чрезвычайно твердым человеком. Собственно, я и сам так считал. Держался, не подавал виду, хотел выстоять. Но есть предел усталости даже для самой твердой души. Вот увидел вас сегодня — и как бы открылось: что-то нужно изменить. Впервые это уже было тогда, у моря...

— У меня тоже было. Если бы вы знали, как я вас искала в тот день...

— Меня выдернули буквально из кустов — и в Париж!

— Я узнала об этом слишком поздно! Когда уже случилось непоправимое.

— Надеюсь, вы никого не убили?

— Себя.

— А воскресить? Реанимация?

— Вы верите в воскресение?

— По крайней мере хочется верить. Впечатление такое: убежать куда-то в тишину и неизвестность хотя бы на неделю — и оживу вновь, найду свой нерв, как говорит Юрий.

— Убегите! — Она ухватила за это слово в слепой вере, почти отчаянно: — Убегите, убегите!

— Куда? Как? — Он горько засмеялся. — Убегают только мальчишки или гении, как некогда Толстой. Но ведь это же тоже было гениальное мальчишество.

— Вы тоже имеете право на гениальное мальчишество. Вы его зарабатывали...

— Такое никогда не зарабатывается... Это вызов, а для вызова я не имею оснований... Общество слишком много вложило в меня энергии и... надежд...

— Но ведь отдохнуть... Отойти... ну, как выражаются технократы, перезарядить батареи вы имеете право?

— Для этого существует отпуск... Как у Аристотеля? Отдых существует ради деятельности.

— А вы удерите! Хотя на неделю! Знаете, — и сама не могла опомниться от своей дерзости, — у меня есть такое место...

— Место? Разве может быть нечто подобное?

— В лесах. Вокруг никого. Хатенка в лесу. Криница с водой, в которой много брома. Спится после той воды, как после мака. Вас никто не потревожит, никто не узнает...

— Я умру там с голоду. — Он засмеялся, все еще считая, что это шутка.

— Там есть печь, дрова. Я научу вас готовить суворовское рагу. Это от папы еще. Вы можете жить там хоть месяц!

— А как туда добраться?

— Как? — Она не думала об этом, глянула на Карналя такими чистыми глазами, что он даже вздрогнул от той доверчивости, чистоты. — Если хотите, я сама вас и отвезу!..

Авторизованный перевод с украинского
Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

**В. ВИКТОРОВ,
О. СПАССКИЙ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Нынешней весной модный тон венских витрин золотисто-коричневый. И вся эта цветовая гамма как бы вытекает из густо-канареечного традиционного колера шведской сборной. Платья канареечных тонов носят женщины, такого цвета пиджаки и брюки предлагают и мужчинам, обувные магазины знаменитых фирм делают обувь из некрашеной светлой кожи, а витрины спортивных магазинов пестрят куртками и тренировочными туфлями яичных расцветок.

Чем же определяется пристрастие венских модельеров к цвету «Тре крунур»? Мода, как известно, капризна, и вряд ли, конечно, в выборе цветов весенней моды лежат хоккейные симпатии портных и сапожников, но после победы шведских хоккеистов сначала над канадцами, а потом и над сборной СССР желтый цвет стал моден не только на витринах, но и на льду «Штадтхалле». Сразу же нашлись эрудиты, которые вспомнили, что шведская сборная за пятьдесят лет своего участия в чемпионатах мира и Олимпиадах двадцать раз поднималась на пьедестал почета. Шведы не раз вносили свои коррективы в распределение призовых мест, а теперь являются главными поставщиками от Европы в профессиональные команды Канады и США.

После победы «Тре крунур» над сборной СССР молодой тренер шведов Ханс Линдберг сказал журналистам, заполнившим просторный зал для пресс-конференции: «Есть несколько причин, объясняющих наш успех, которого, признаться, я не ожидал, — великолепная игра вратаря Хегюсты, безупречные действия защитников и поразительная слаженность всей команды, игравшей, как один человек».

Победа шведов вызвала бурную реакцию заполненного до отказа Ледового дворца.

Хоккей — как зрелище, как спектакль так же многокрасочен, многозвучен, столь же неисчерпаем на сюжеты, как и театр. Сравнение это, разумеется, не оригинально. Но, наблюдая за матчами чемпионата мира, мы не раз вспоминали об этой традиционной параллели. И потому, что развитие сюжета, ход событий на льду напоминали хорошо продуманную постановку. И потому, что актеры, выступающие в составах восьми команд, демонстрировали всю неотразимую, неисчерпаемую прелесть этого великолепного зрелища. И потому, наконец, что режиссерам спектаклей — тренерам — по-своему помогали те, кто отвечает за цветовое и звуковое решение спектакля. Мы ничуть не удивились мотивировке, поясняющей, почему было решено при-

гласить в «Штадтхалле» еще десять тысяч школьников: «Те матчи, на которых присутствовали венские школьники, отличались впечатляющими овами. Учитывая это, оргкомитет чемпионата принял решение выделить еще десять тысяч билетов для того, чтобы поддержать шумовое сопровождение хоккейных поединков. И потому матчи, начинающиеся в пять часов, снова будут иметь великолепное звуковое оформление».

Но если речь идет о звуковом оформлении спектакля на льду, то нельзя, конечно же, не вспомнить не только призывные скандирования «Шай-бу!» наших болельщиков, «До-то-го!» — чехословацких и «Гу-кенада-гу!» — канадских, но и бесконечный рев труб и оглушительную дробь барабанов, призванных, по мнению некоторых поклонников игры, вододушевить участников чемпионата.

В печати рассказывалось не раз, что в коммерческом телевидении весьма распространена реклама, врываются в кинофильм или в спектакль, приостанавливая действие на несколько секунд, и матчи венского турнира напоминали снова о такой особенности. Сначала мы удивлялись, почему капитан канадцев Фил Эспозито едва ли не после каждого свистка судьи подъезжает к арбитру матча выяснять, в чем дело. Но вот промелькнуло сообщение, что все матчи с участием океанских профессионалов транслируются на Канаду и именно потому хоккеист под диковинным номером семьдесят семь устраивает дебаты с судьей, выигрывая время для рекламы.

В число сувениров венского турнира вместе со значками, шайбой, клюшкой, почтовой маркой и конвертом, вместе с галстуком, украшенным эмблемой чемпионата, входит и майка с портретом мчащегося по льду Фила Эспозито. Интерес к выступлениям канадских профессиональных хоккеистов был огромен. И специалисты и публика полагали, что в традиционную борьбу сборных команд Чехословакии, Швеции и Советского Союза вмешается с полным на то основанием и команда Канады.

Однако уже в предварительной части гости из-за океана потеряли пять очков, набрав в матчах против ведущих хоккейных команд Европы всего лишь одно очко из шести возможных.

Канадцы разочаровали. Но значит ли это, что их выступление осталось незамеченным, что игра хоккеистов с родины хоккея ничего не дала участникам чемпионата, наблюдателям, журналистам, зрителям?

С этим вопросом мы обратились к одному из ведущих тренеров страны, Виктору Тихонову, наставнику рижских динамовцев, который возглавлял прошлой осенью сборную СССР, выступавшую на Кубке Канады.

— Действительно, — говорит Виктор Васильевич, — мы видели и более сильных канадцев, однако и эта команда, вероятно, пока еще не исчерпала своих возможностей, и она тоже интересна. Интересна прежде всего как самый типичный представитель канадской школы игры. Посмотрите, например, как бросают они шайбу в ворота. Если хоккеист расположен около синей линии и рядом никого нет, то он бросает после замаха. Если же рядом кто-то из

соперников, то следует кистевой бросок: используется то мгновение, когда ворота не прикрыты противником. Обратите внимание, как держат канадцы клюшку, передвигаясь с шайбой. Если соперник ближе чем в пяти — семи метрах, то клюшка держится обязательно двумя руками: так удобнее вступать в борьбу. Канадцы славятся искусством игры при добывании шайбы, парированной вратарем. Такие детали игры, особенности технической подготовки спортсменов могут, не исключено, когда-нибудь и пригодиться.

Но, разумеется, теперь главными учителями на этом большом уроке хоккея стали хоккеисты европейской тройки — сборные СССР, Чехословакии и Швеции.

«Советская сборная слишком сильна для этого чемпионата» — заголовок, промелькнувший в одной из венских газет, врезался в память. Со стороны такое утверждение могло бы показаться не более чем парадоксальной шуткой, но те, кто изо дня в день наблюдали за развитием событий на льду «Штадтхалле», оценили весомый реализм этих слов. И разве не об этом же говорил тренер чехословацкой сборной, когда после встречи своей команды с СССР заявил, что видит советскую сборную победительницей венского чемпионата? Это было сказано 28 апреля, на седьмой день чемпионата, когда наша команда, победив канадских и чехословацких спортсменов, еще не прошла шведский барьер и впереди у нее была финальная пуля. Надо сказать, что подобного утверждения чуть ли не на старте нам не приходилось слышать ни на одном из предыдущих чемпионатов, и высокая оценка мастерства наших хоккеистов не могла не радовать. Но мы понимали, как опасно такого рода всеобщее признание. На соревнованиях, подобных чемпионату мира, в любой момент твоя сила может стать твоей слабостью. Кто мог предвидеть победу шведских хоккеистов над канадскими? И невиданное поражение канадцев размагнитило хоккеистов чехословацкой сборной, что и привело к потере ими драгоценного очка. Как бы ни было весомо твое преимущество, ты обязан изо дня в день действовать с наивысшим напряжением, не размагничиваться ни на одну игровую минуту.

В матче чехословацких хоккеистов с канадскими мы увидели противостояние двух школ игры — комбинационных действий хоккеистов сборной ЧССР против индивидуального мастерства спортсменов из-за океана. Матч этот, однако, закончился с неожиданным, признаемся, для нас счетом — 3:3. В игре прошлых лет чемпионов мира заметна была некоторая усталость, не хватало той свежести, той мгновенно набираемой скорости, что не раз позволяли хоккеистам ЧССР одерживать победы над самыми сильными командами.

Затем мы увидели еще одну черту современного, чрезвычайно сложного в психологическом плане хоккея — искусство спортсменов находить в нужную минуту дополнительные источники энергии, когда, казалось бы, борьбе отданы уже все силы. Вспомним матч команд СССР и Чехословакии. Первый период закончился

ничью — 1:1, могло создаться впечатление, что ничья неизбежна, что силы команд равны, но вдруг следует взрыв. Советские хоккеисты включают какие-то новые, невиданные прежде скорости, и оборона соперников не выдерживает напряжения, не выдерживает постоянно нарастающего и, кажется, не имеющего пределов давления всех трех звеньев сборной СССР. Четыре шайбы влетают во втором периоде в ворота Иржи Холечека менее чем за двенадцать минут, и исход поединка не вызывает никаких сомнений. Любопытная деталь. Если в первом периоде число бросков по воротам было практически равным — 14:13, то во второй двадцатиминутке на 19 бросков наших хоккеистов чехословацкие спортсмены ответили только девятью.

Спустя два дня сборная ЧССР играет против шведов, не знавших до этого дня потери в очках. Мы увидели иную чехословацкую команду, увидели еще один облик современного хоккея — разные формы построения атаки. Планомерная осада ворот сборной Швеции, снова и снова начинаемые атаки, когда к форвардам быстро подключаются защитники — в исполнении хоккеистов Чехословакии, и стремительные контратаки, взятые на вооружение нападающими «Тре крунур». Но боевое оружие северян на этот раз не сработало.

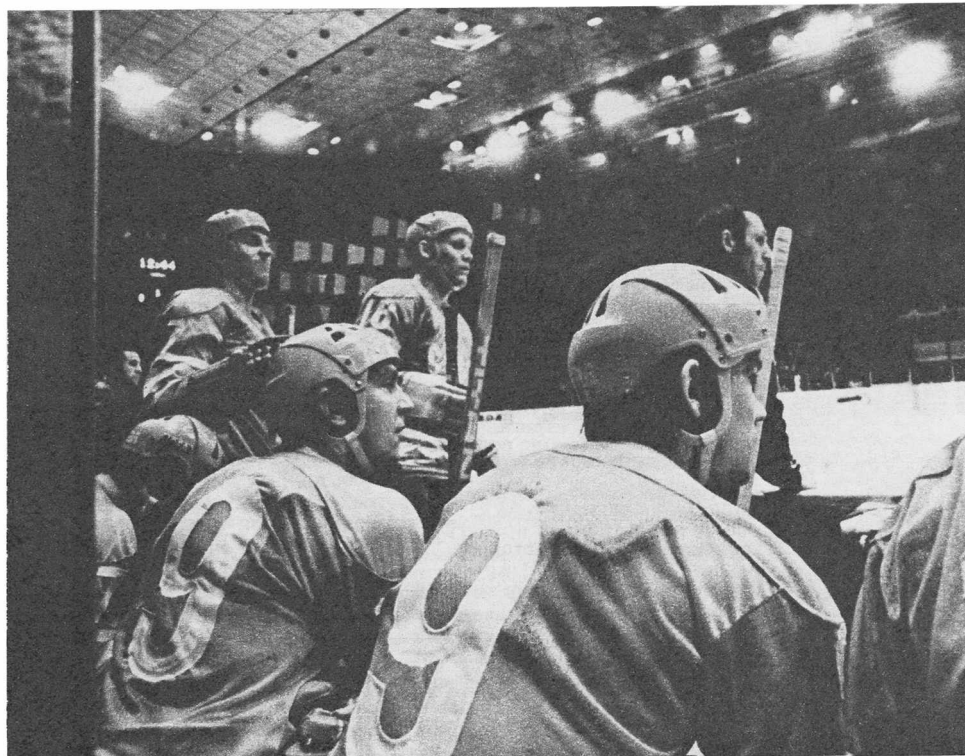
И, наконец, еще один особенно запомнившийся нам матч. Поединок шведских и советских хоккеистов.

В чем отличительные черты этого матча? Прежде всего в том, что шведские защитники сумели показать силу своей брони. В первом своем репортаже мы писали, что в современном хоккее, насыщенном точными и мощными бросками, «снаряд» — нападение превосходит «броню» — защитные возможности команд. Почти все встречи подтверждали это наблюдение. Но последняя игра предварительного турнира напомнила, что и в сегодняшнем атакующем хоккее верх может одерживать хорошо организованная, умелая оборона. Конечно, у советских хоккеистов было немало возможностей переломить игру, но их атаки неизменно обрывались в последний момент: наши форварды не сумели подобрать ключи к бронированной двери шведов: Хегюста сыграл безупречно, но его успех был обеспечен почти безошибочными действиями партнеров по обороне и эффективной помощью нападающих.

Хоккей — этот щедрый на выдумку режиссер захватывающих спектаклей на льду — столь неожиданно обострил сюжет чемпионата, что финальные игры приобретают двойную остроту, а последняя встреча чемпионата: СССР — Швеция, — тройную. Мы глубоко верим, что наша команда сумеет показать в трех заключительных встречах тот могучий, победный хоккей, что принес советской школе заслуженное признание и уважение во всех странах, где популярна эта замечательная игра.

8 мая «Штадтхалле» будет переполнен. Сотни миллионов болельщиков прильнут к экранам телевизоров. Хоккей побеждает!

Вена, 3 мая. По телефону.

На льду и на скамейке запасных: матч СССР — Чехословакия.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. В. ПОЛТОРАЦКОГО

ПРИСЯГА В ВЕРНОСТИ

Люблю и помню многие стихи Виктора Полторацкого, но короткое стихотворение «Молодой лесок» особенно запало в душу:

За селом Заборьем, вдоль пригорка,
Будто войско, выстроившись
в ряд,
В новых, необятных гимнастерках
Молодые сосенки стоят.

Как солдаты — все друг с другом схожи,
Строевая выправка строга.
Все ершисты, словно их под ежик
Ротный парикмахер подстригал.

Корни жадно пьют земную влагу,
Кроны зеленеют в вышине.
И растет лесок, приняв присягу
В верности мещерской стороне.

Я часто думал, почему именно эти, написанные почти двадцать лет назад строки так близки мне сегодня? Ведь В. Полторацкий активно работает сразу в нескольких направлениях — он и стихотворец, и прозаик, и публицист. Наверно, появились у него после «Молодого леска» произведения более яркие и совершенные во всех этих жанрах? Не наверно, а абсолютно точно — появились, появляются, появятся и еще. Писатель в самом расцвете своего таланта. Недавно, перечитывая книги В. Полторацкого, я понял, в чем дело: в этих двенадцати строчках с предельной точностью выражена творческая, гражданская позиция художника, позиция, которая не может не вызвать самого глубокого уважения. Читаешь эти скупые строки и перед твоим мысленным взором встает образ человека, прошедшего войну, влюбленного в жизнь, за которую он дрался, преданного своей Родине, которой посвящен его труд и подвиг, много сил отдающего тому, чтобы молодые наследовали все лучшее, что рождено и выстрадано старшим поколением. О чем бы ни писал В. Полторацкий: о Суздале или Мещере, о Гусь-Хрустальном или поездке за кордон после войны, о Берлине, в который он в солдатских сапо-

гах вошел в сорок пятом — в стихах, повестях, рассказах, очерках бьется сердце именно такого человека.

Вспомним любую книгу В. Полторацкого: «В дороге и дома», «Разноцветье», «Невелик городок», «Стружань», «Человек и земля», «Гнездо Хрустального Гуся», «Линия жизни», «Стружань-река» — это произведения разных жанров, разных лет, разных тем, но в то же время все они очень едины и цельны, «как солдаты — все друг с другом схожи». Это, разумеется, не однообразие. В каждой свои краски, свои поиски и находки. Речь идет именно о «линии», о «философии», о подходе к явлениям жизни. Все написанное В. Полторацким воспринимаешь как одну книгу, продолжающуюся то в стихах, то в прозе, то в публицистическом монологе, то в строгой, почти документальной записи того, чему автор был свидетелем, в чем принял непосредственное участие.

Самая характерная черта творческого почерка В. Полторацкого — пристальное, неотрывное внимание к конкретному уголку родной земли, к конкретному человеку на этой земле. Но этот человек и этот маленький уголок под вдохновенным пером художника приобретают силу типического обобщения. Читаем о крохотном городке русских стеклодувов, о его умельцах и чародеях, а перед глазами — вся Россия, весь народ наш, талантливый и трудолюбивый. Читаем о мальчишке «в синей рабочей спецовке», а видим целое поколение возмужавших, набирающих высоту, которыми гордится вся страна, которым доверено очень многое.

Каждое новое произведение Виктора Полторацкого, в стихах ли, в прозе ли, — это новая присяга в верности народу, народному делу, новый гимн человеку, добывающему счастье в бою и труде.

Виктор ТЕЛПУГОВ

темпа марша

1. Сколько

выюг над землею промчалось, сколько теплых пролилось дождей. Не забыть, как война нача-

Припев

на — лась, не забыть подвиг наших людей. Мы помним сигналы воздушной тре-

воги — ги, мы пом — ним живых и погибших солдат, юность свою, фронтовые дороги,

Красную площадь, побед — ный па — рад.

1. 2.

2. Помни — рад.

Fine

ДЕНЬ ПОБЕДЫ НЕ МЕРКНЕТ С ГОДАМИ

Стихи
Сергея
БЕНКЕ

Музыка
Бориса
АЛЕКСАНДРОВА

Сколько выюг над землею промчалось,
Сколько теплых пролилось дождей...
Не забыть, как война начиналась,
Не забыть подвиг наших людей.

Припев:

Мы помним сигналы воздушной тревоги,
Мы помним живых и погибших солдат,
Юность свою, фронтовые дороги,
Красную площадь, победный парад.

Помнит сердце, пока не остынет,
Как разбили врагов под Москвой,
Сталинград, серый пепел Хатыни,
Ленинград, Севастополь родной...

Припев.

Жизнь идет, дни проходят за днями...
Память сердца все нежно хранит...
День Победы не меркнет с годами,
День Победы все ярче горит.

БЕРЕГИТЕ ХОРОШЕЕ

НАСТРОЕНИЕ

Б. ПРОТОПОПОВ

ФЕЛЬЕТОН

Плохое настроение не создается само по себе. Простейший анализ немедленно выявит его причину, иногда столь ничтожную, что и говорить о ней неудобно.

Из всех сил мы стремимся улыбаться, когда на душе скребут кошки. Но все равно в этот день арифмометр начинает показывать не те числа и резец тупится чаще.

Плохое настроение выбивает из седла человека любой профессии. Чем больше людей будет пребывать в нем, тем больше появится плохой продукции, а также резко увеличится количество разводов и автодорожных происшествий. Так что настроение даже отдельного индивидуума приобретает общественное значение. А поэтому есть смысл поговорить о том, что его портит.

...Часы остановились через сорок пять минут после того, как я вынес их из мастерской гарантийного ремонта на Русаковской, 41, где они чинились двадцать дней. Гарантийная квитанция — вот она, а часы стоят.

Стоят! — с мягкой укоризной сказал я приемщику, явившись снова по указанному выше адресу. Мне не хотелось его очень травмировать.

Конечно, я не предполагал, что он заломит руки от отчаяния и произнесет: «Как же так могло случиться в нашем уважаемом учреждении!» Но на извинение, признаться, рассчитывал. И даже заготовил великодушный ответ: «Ну ладно, ничего... С кем не бывает? За полчаса исправите свою ошибку? Ну и хорошо. Я подожду...»

Но приемщик молча протянул руку, и я так же молча положил в нее свою «Ракету».

— Зайдите через две недели.

И все.

Я вдруг вспомнил, что из-за «Ракеты» едва не опоздал на работу, а утром была изжога.

— Может быть, вам уместно извиниться за брак? — сдавленным голосом спросил я.

— Успокойтесь, — холодно парировал приемщик, — за вторичный ремонт денег мы с вас не возьмем.

— Дело не в деньгах... — начал было я, но не успел окончить.

— Вот такой придет, и весь день испорчен, — сказал один мастер другому.

Мне стало стыдно. Действительно, стоило ли горячиться из-за такой ерунды, но отступить не хотелось.

— Ну, а фамилию вашу можно узнать? — спросил я жалким голосом.

Не вынимая лупы из глаза, приемщик пальцем указал на табличку: «Приемщик Контрер».

...Весь рабочий день я мысленно произносил гневные монологи, чтобы доказать товарищу Контреру, что не я их, а они меня обидели. Разумеется, дело, кото-

рым я занимался на службе, от этого не выиграло. Через две недели я получил вновь починенные часы. На сей раз они проходили на двадцать четыре часа дольше.

Вторая история

...Вернувшись однажды из своего проектного бюро домой, Николай Иванович К. увидел, что его двухлетний Вовка разрисован сине-зелеными пятнами.

— Твоя покупочка! — сказала расстроенная жена.

Оказывается, нарядная рубашка, приобретенная Николаем Ивановичем вчера в «Детском мире», половину своей расцветки оставила на Вовке.

Отец, конечно, объяснил сыну, что влезать в ванну без спроса, да еще в рубашке, нельзя, но вместе с тем подумал, что продавать для детей одежду, которая так линяет, тоже не очень здорово.

Однако с кем можно было бы провести на этот счет воспитательную работу, Николай Иванович так и не узнал. На одном лоскутке, прикрепленном к рубашке, значилось: «г. Ростов Ярославский. Ростовская швейная фабрика». Но предъявлять претензии к ростовчанам вряд ли можно. Ведь швейники рубашек не красят!

На другом лоскутке содержался шифр, разгадать который под силу разве только Шерлоку Холмсу: «516 — 1 27 0669 1202 1640 671 0213 1176».

Теперь коснусь третьей истории. Что такое шуруп? В океане продукции нашей индустрии он маленькая капелька, но без шурупа не обойдешься. Это прекрасно понимали еще наши предки, наладившие производство винтов. Долгое время шурупы не изменяли своей формы. Да и что, казалось бы, можно в них усовершенствовать?

Но недавно москвич Всеволод Корнеевич Ванин убедился, что и шурупа коснулась творческая мысль рационализаторов.

На прилавке столичного хозяйственного магазина № 34 Москвозторга (Большая Черкизовская улица) перед ним лежали шурупы, у которых на головке вместо обычной прорези были пробиты крестообразные отверстия.

Отлично придумано, — порадовался Всеволод Корнеевич, — свешайте-на мне поликилограмма.

И тотчас же поймал на себе скептический взгляд мужчины, стоявшего у прилавка.

— Прекрасная вещь! — отнесся к нему Ванин.

— Безусловно! — охотно согласился мужчина. — Только чем вы их будете завинчивать?

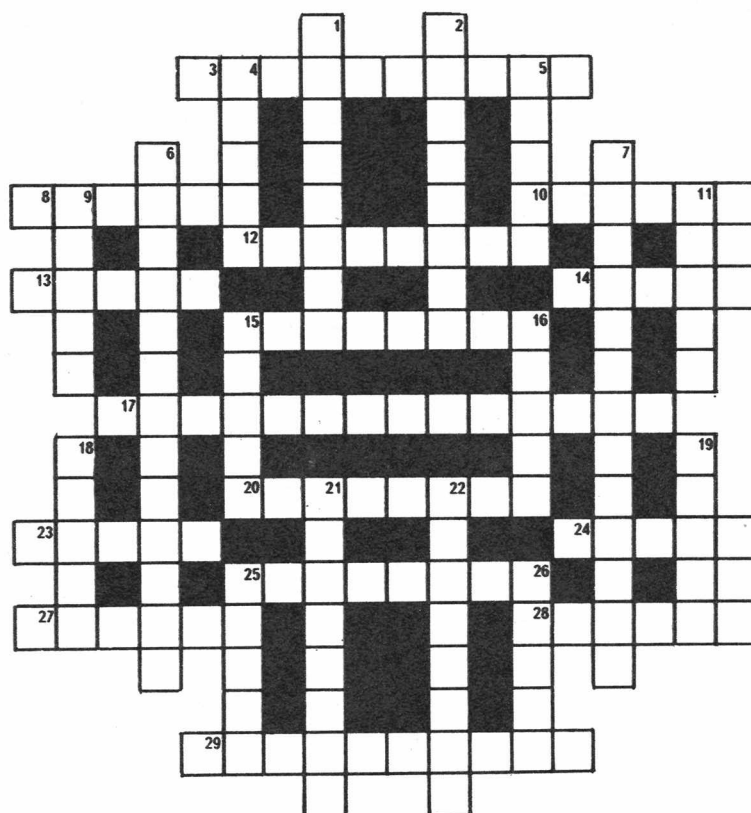
Он был прав. Для модернизированного шурупа нужна особая фасонная отвертка. А ее в магазине нет.

Мелочь, конечно, ерунда! Но, когда продавщица высыпала шурупы обратно в ящик, Всеволод Корнеевич испытал огорчение и обиду. На чем отразилось его плохое настроение, автору неизвестно, но что оно не прошло бесследно, это точно.

Пусть подумают об этом те, кто допустил брак, недоделки, испортил настроение людям.

Хорошее настроение — это большая ценность.

Его нужно беречь!

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Научный труд. 8. Небесное тело. 10. Обработка изображений на фотографическом отпечатке. 12. Легкий открытый экипаж. 13. Участок, засеянный арбузами, дынями. 14. Химический элемент. 15. Польский танец. 17. Прибор для измерения деталей машин. 20. Старинный музыкальный инструмент. 23. Плодовое дерево. 24. Время года. 25. Плотная льняная ткань. 27. Листовой древесный материал. 28. Спутник планеты Нептун. 29. Порт на побережье Марокко.

По вертикали: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Народный поэт Дагестана. 4. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 5. Приток Невы. 6. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Лес». 7. Выдающийся советский режиссер и актер. 9. Стадо овец. 11. Остроконечное завершение здания. 15. Хищная птица. 16. Сырье для получения шелка. 18. Лабораторный сосуд. 19. Стихотворная форма. 21. Летательный аппарат. 22. Город в Индии. 25. Костюм балерины. 26. Река в Иране и СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 3. Весна. 5. Кроль. 7. Шевро. 10. Концерт. 11. Крапива. 12. Атлас. 13. Тикси. 15. Кубок. 17. Яблочка. 20. Корреспондент. 21. Партитура. 24. Магма. 26. «Манас». 28. Глава. 30. Долгота. 31. Конверт. 32. Рампа. 33. Сазан. 34. Афиша.

По вертикали: 1. Альмерия. 2. «Каштанка». 3. Вахта. 4. Апекс. 6. Рион. 8. Ровно. 9. Калач. 14. Крекинг. 16. Биатлон. 18. Офсет. 19. Клодт. 20. Панорама. 22. Инари. 23. Амундсен. 25. Айова. 27. Аорта. 28. Галка. 29. Аккра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Инженер-конструктор волгоградского завода «Баррикады» Анатолий Петрович Орлов, его жена Екатерина Сергеевна и дочь Лена. (См. в номере материал «Семья как семья».)

Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва сегодня. Фото Б. Раскина. (Москва. На фотоконкурс.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 18/IV — 1977 г. А 00344. Подп. к печ. 3/V — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1237. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 423.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Поет Лев Лещенко.

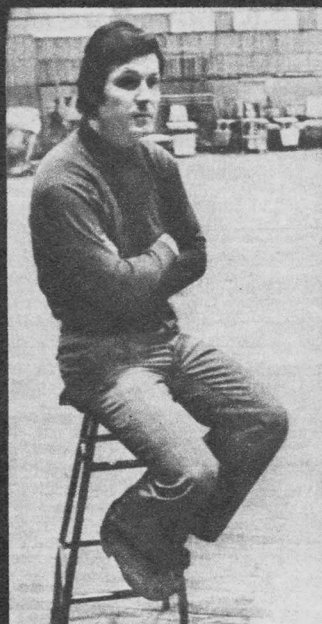

Работа над новой песней: Л. Лещенко, Ю. Силантьев и Э. Колмановский.

Александра Пахмутова (в центре) разъясняет исполнителям их задачи.

Короткий отдых.

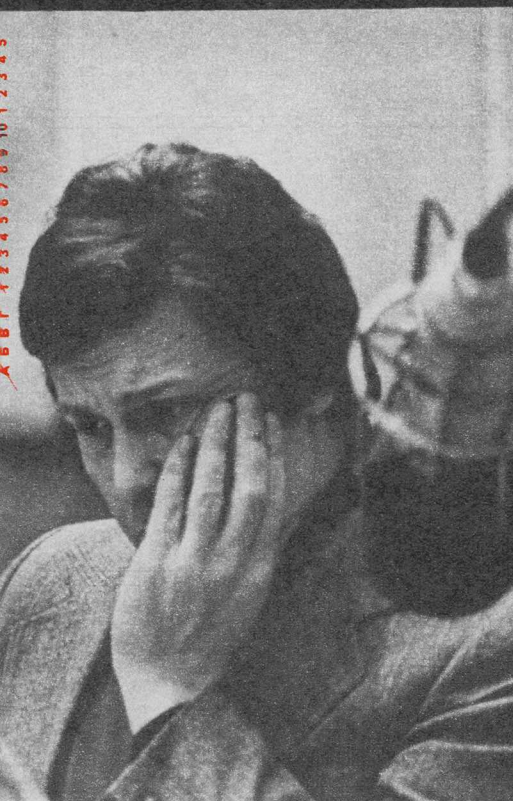
Новые заботы.

Через минуту начнется запись...

ПОЮ О СОВРЕМЕННОСТИ

Н. АЛЕКСЕЕВА,
фото
А. БОЧИНИНА

Скажем честно: мы, зрители, народ беспощадный. Правда, сами того подчас не сознаем. Чувствует это исполнитель, вышедший на эстраду. Ведь бывает, признаемся, вместо того, чтобы внимательно слушать песню, мы начинаем переговариваться, оглядываться по всем сторонам, рассматривать костюм певца, платье певицы... Или в другом случае, не дослушав, почти машинально выключаем радиоприемник либо переключим телевизор на другую программу. Бывает... Но в оправдание себе добавим: так бывает тогда, когда исполнитель не смог настроить нас на свой лад, увлечь своей индивидуальностью.

А талантливый артист от песни к песне, от выступления к выступлению стремится преодолеть всегда существующий поначалу некий психологический барьер между собой и слушателями, как бы растворить их в себе и себя в них, стать каждому незнакомому человеку, сидящему в зале, близким другом. Таким, например, стал для любителей эстрады Лев Лещенко, лауреат всесоюзного и международных конкурсов.

Наш вопрос, как же все-таки достигается этот желанный контакт со слушателями, заставил певца задуматься.

— Трудно сказать... По-моему, сначала песня должна взволновать самого певца, войти в его плоть и кровь, в его душу, а уж потом он может нести ее людям. Тогда они поймут и песню и певца... Малейшая неискренность, незаинтересованность исполнителя рождает ответную замкнутость, отчужденность слушателя. Особенно это ощущаешь на концерте, при живом общении со зрительным залом...

Именно поэтому Лев Лещенко, солист Всесоюзного радио и телевидения, в общем-то не связанный, как артисты концертных организаций столицы, с гастрольями, по семь-восемь месяцев в году проводит с концертами в разных городах и республиках страны.

— Иногда работаешь над песней, мучаешься. Вдруг, кажется, нашел!.. Жена, самый строгий судья, вроде одобрила: она ведь тоже эстрадная певица, Алла Абдалова, — поясняет Лев. — На радио записал, все нормально... А выходишь на сцену и понимаешь: не то... Приходится решать песню заново.

Да, приходится начинать сначала, ибо успеха нельзя добиться однажды и навсегда. Успех достигается ежедневно, ежедневно.

Вот певец стоит один на один с микрофоном в огромном зале студии звукозаписи; где-то высоко под потолком кабинка звукорежиссера, там же и авторы песни. Сегодня это Александр Пахмутов и Николай Добронравов. Пускается фонограмма — инструментальное сопровождение песни, записанное заранее. Певец прослушивает ее. Поет. Потом еще раз и еще. Из динамика доносится голос Пахмутовой: «Левушка, тебе самому как, нравится!» «Вроде да. Но лучше я еще раз попробую. Дайте фонограмму погромче». Певец дирижирует сам себе; все сильнее, глубже, свободнее звучит голос:

Кажется, будто вся жизнь впереди.
Не ошибись, выбирая пути...

А пока идет запись, мы подробнее расскажем читателям о Лещенко. Ему 35 лет. Он родился и вырос в Москве, школьником занимался во Дворце культуры в вокальном кружке, затем поступал чуть ли не во все театральные вузы — хотел быть актером. Не прошел по конкурсу. Год работал на заводе слесарем-сборщиком, потом настала пора служить в армии, где его пригласили петь в ансамбле песни и пляски. Уже будучи профессиональным исполнителем, Лещенко поступил в ГИТИС на отделение музыкальной комедии и почти одновременно начал работать в Театре оперетты. В дипломе выпускника ГИТИСа значилось «бас-баритон», и роли в театре ему доставались в основном характерные [у главных героев оперетты, как правило, теноровые партии]. А в 1970 году он пришел на радио. Остальное известно: Всесоюзный конкурс артистов эстрады, «Золотой Орфей», и первая премия в Сопоте — песня «За того парня».

...Наконец, композитор и поэт спускаются в зал: «Лева, отлично!.. Едешь домой!» «Нет, у меня еще запись с Павлом Аедонициком». Поздний вечер. Видно: певец устал. Но, взглянув на нас, спрашивает: «Замучил я вас!» И вдруг, чтобы как-то всех развлечь, начинает шутивно, густым «камерным» басом, распевать куплеты из разных песен. Утомленный звукорежиссер оживает, глядя на «неутомимого Леву». И снова за дело...

— Мы считаем Лещенко одним из лучших исполнителей советской песни, — говорит Александр Пахмутов. — Мы давно следим за ним. Более всего в творчестве Лещенко нас привлекают современность, цельность и благородство его лирического героя. Надо сказать, что здесь немаловажное значение имеют душевные качества певца. Лев — обаятельный, красивый человек...

Действительно, личная простота и скромность присущи и исполнительской манере певца, доброта и отзывчивость во многом определяют лирического героя всех его песен. Кстати, одно время Льва Лещенко называли певцом героической, гражданской темы. Верно: в его репертуаре много произведений социального звучания — песни о Родине, о патриотизме, об ответственности каждого человека за судьбы людей Земли. Но в то же время сколько песен о любви, о «соловьиных рощах» и «голубых реках»...

— Я против «одного амплуа» на эстраде, — говорит Лещенко. — Интересен певец разносторонний, разнообразный... Я пою песни, которые соответствуют моему внутреннему состоянию, гражданской позиции... Хотя если все-таки говорить о главной теме, то назвать ее можно так: современник.

У себя дома Лев завел нам свою пластинку, выпущенную в нынешнем году. Сам слушал внимательно, даже как-то напряженно.

— Наверное, всегда странно слышать собственный голос со стороны!

— Чаше досадно. Все мне кажется: мог бы спеть лучше! И должен...

по просьбе читателей

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

